

Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**КОЧЕВНИКИ АРКТИКИ:
ТЕКСТОВО-ВИЗУАЛЬНЫЕ МИНИАТЮРЫ**

ЕКАТЕРИНБУРГ, 2015

УДК 394 (571.121)
ББК 63.521 (=667)
К55

К55 **Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры** / А. В. Головнёв, Е. В. Перевалова, И. В. Абрамов, Д. А. Куканов, А. С. Рогова, С. Г. Усенюк. — Екатеринбург: Типография «Альфа Принт», 2015. — 132 с.: 104 илл.

ISBN 978-5-905617-36-2

Чукотка, Ямал и Кольский полуостров — три очага арктического номадизма. Книга-альбом представляет эпизоды кочевой жизни чукчей, ненцев, саамов и коми-ижемцев, чьи культуры обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям и техническим инновациям. В наблюдениях объединены три взгляда — самих северных кочевников, исследователей этнографов и дизайнеров — с целью поиска и апробации нового концептуального подхода к наследию и технологиям коренных северян.

Arctic Nomads: narrative-visual miniatures / A. V. Golovnev, E. V. Perevalova, I. V. Abramov, D. A. Kukanov, A. S. Rogova, S. G. Usenyuk. — Ekaterinburg: Alfa Print Publ., 2015. — 132 p.: 104 im.

ISBN 978-5-905617-36-2

Chukotka, Yamal and Kola Peninsulas represent three centers of Arctic nomadism. Local nomadic cultures — those of Chukchi, Nenets, Saami and Izhma Komi — have long been known as adaptive and resilient to both environmental and social impacts as well as to technological innovations and invasions. Seeking for an essentially new way to rethink the intangible heritage and utilize locally appropriate technologies of the Arctic natives, this book presents insights into a daily nomadic living in selected localities through combining three different viewpoints, i.e. of anthropologists, design practitioners and the Arctic nomads per se.

Рецензенты:
к.иск. Н. П. Гарин
д.и.н. А. В. Черных

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда
«Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации»
(№ 14-18-01882)

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Оформление. Типография «Альфа Принт», 2015

ISBN 978-5-905617-36-2

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
КОЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	6
Три тундры	8
Оленье мышление	16
Нарта	24
Кораль	32
Perpetuum mobile	40
Дети кочевников	48
Транспортная революция	56
Кибер-стойбище	64
ЧУКОТКА	72
Чукотский бег	74
Искусство быстрого действия и быстрого сна	78
Сага о бинокле	84
Эйнеткун	88
ЯМАЛ	92
Караван	94
О красоте	98
Айбат	104
Кочевники и недропользователи	108
КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ	112
«Моряки» и «огородники»	114
Снегоходная революция	118
Тундровый капитализм	122
Морошка	126
P.S.	128
Литература	130

Карта-схема районов исследования

От авторов

Номадизм (кочевничество) — исконное и исходное состояние человечества, благодаря которому люди расселились по всей планете и адаптировались к многообразным природным условиям. Это состояние — не эпизод, а устойчивый феномен.

Арктика — пространство, в котором ярко сохраняется кочевая традиция. В разные эпохи в высоких широтах Евразии кочевали оленеводы (саамы, ненцы, эвенки, эвены, чукчи, коряки), собаководы (эскимосы, юкагиры), мореходы (норманны, поморы, эскимосы) и коневоды (скандинавы, русские, якуты). Мобильность — ключевое свойство обитателей высоких широт, алгоритм их культуры, в которой динамика преобладает над статикой. Во многих культурах Арктики кочевание считалось благополучием, а оседлость — бедствием. Освоение обширного пространства и контроль над ним легли в основу жизненной философии северян. Отнюдь не метафорой звучит утверждение, что на Севере издавна существовали не малые народы, а культуры больших пространств.

Чукотка, Ямал и Кольский полуостров — три очага арктического номадизма. Кочевые культуры чукчей, ненцев, саамов и коми-ижемцев обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям и техническим инновациям. В последние десятилетия оленеводы Севера Евразии в разной степени успешно адаптировались к новейшим технологиям управления, экономики, информации, дав самые впечатляющие в циркумполярном мире примеры неординарного развития культуры, экономики и самоуправления. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников Арктики, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой — многообразно применим в но-

вейших стратегиях мобильности и освоения Арктического региона.

***

В книге-альбоме представлены эпизоды кочевой жизни на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове по полевым наблюдениям авторов в ходе экспедиций 2013–2015 гг. Сопоставительное исследование мобильности оленеводов трех тундр стало возможно благодаря гранту Российского научного фонда № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (руководитель А. В. Головнёв). В наших наблюдениях объединены три взгляда — самих северных кочевников, исследователей этнографов и дизайнеров — с целью поиска и апробации нового концептуального подхода к наследию и технологиям коренных северян. В практиках арктического номадизма мы видим потенциал для инноваций в современной мобильности, а в исследовании идем на эксперимент методического сочетания инструментария науки и искусства, языков текста и изображения. Здесь мы представляем некоторые результаты проекта, своего рода эскизы будущих композиций, готовящихся для Атласа кочевых технологий Арктики.

Авторы выражают глубокую благодарность Андрею Антылину (Чукотка), Нядме Худи (Ямал), Владимиру Филиппову (Кольский полуостров) и другим оленеводам Арктики за гостеприимность, мудрость и щедрость. В их ярангах, чумах и избах нас всегда ждало тепло, а в пути с ними — творческие удачи.

КОЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Оленья упряжка. Чукотка, 2015. Фото А. Головнёва

Три тундры

Чукотка, Ямал и Кольский полуостров, имея немало общего, обнаруживают существенные различия в стиле оленеводства и мобильности чукчей, ненцев, саамов, коми-ижемцев.

В каждой из тундр оленеводство сложилось самостоятельно на основе местных охотничьих практик, хотя циркулярные контакты издавна обеспечивали обмен технологиями номадизма (например, при экспансии «каменных самоедов», «каменных чукчей», коми-ижемцев). Для наблюдения мы выбрали три очага оленеводства: Чаунскую тундру Чукотки (около 100 оленеводов и 22 тыс. оленей), северо-западную тундру Ямала между Харасавзем и Морды-яхой (около 90 оленеводов и 23 тыс. оленей) и Ловозерскую тундру Кольского полуострова (около 50 оленеводов и 25 тыс. оленей).

Чукотке с ее горными и приморскими тундрами традиционно присущ пеший и упряжный выпас крупных стад, дополненный в XX в. вездеходным транспортом. Здесь сочетаются горизонтальные (тундра-море) и вертикальные (горы-долины) миграции: летом обдуваемые ветрами приморские и горные тундры спасают от гнуса и оводов, зимой низины и долины с их древостоем обеспечивают топливом и укрытием от холодных ветров. Годичный цикл миграций оленеводов кругообразен, и пастбища Чукотки разделены на бригадные «круги кочевий». Площадь такого круга составляет около 5–6 тыс. км² с радиусом 40–60 км; оленевод пешком или на упряжке способен его пересечь в любом направлении за сутки или двое (чукчи считают дневной ход в 40 км обычным для мужчины); таким образом, весь круг находится под контролем кочевника. Круговая локализация кочевий дает возможность летнего вольного отпуска оленей с эпизодическим дозором и последующим осенним сбором стада.

Ямал с его обширной низинной тундрой, вытянутой от леса до моря на 700 км, задает сезонный ритм меридиональным миграциям оленеводов протяженностью до 1500 км с круглогодичным окарауливанием больших стад на оленьих упряжках с помощью собак-оленегонок. Столь масштабные перекочевки обусловлены нуждой в древостое и укрытии от ветров зимой и в северных приморских пастбищах летом, когда остальная тундра накрыта тучами комаров и оводов (удобную летнюю тундру называют «олeneводческим раем»). Кочевья между летними и зимними пастбищами проходят по «хребту Ямала» (Хой) — возвышенному водоразделу Карского и Обского бассейнов. Весной и осенью по нему почти сплошным потоком движутся стада оленей, расходящиеся затем веером на летние и зимние пастбища (магистральный поток по хребту составляет больше половины общей миграции). Эта магистраль разделяет северную и южную фазы настолько, что ненцы традиционно считают лето (*сун*) и зиму (*таль*) отдельными годами.

Кольская тундра выглядит узкой полосой (около 100 км) между лесом и морем. Саамы издавна практиковали здесь выпас небольших стад (несколько десятков оленей) с короткими миграциями и использованием для транспорта саней и вьюка. Это «избное» оленеводство включало доение важенок, летний вольный выпас и сбор стад с помощью собак-оленегонок. В 1880-е гг. мигранты коми-ижемцы привнесли на Колу крупностадное товарное оленеводство с круглогодичным выпасом, промышленным осенним забоем оленей, наймом пастухов-работников (в том числе саамов), производством продукции на продажу (в том числе замши и меховой одежды). В 1970-е гг. кольские оленеводы вернулись к летнему вольному отпуску оленей, по границе тундры и леса построили сплошную изгородь (огород) для ре-

гулирования сезонного движения оленей, а вдоль огорода — избы и деревянные корали. Оленеводство стало «огородным», а кочевание — вахтовым, с выездами на пастушеские смены и возвращением в поселки.

Во всех очагах оленеводства в мобильности кочевников реализуется стратегия контроля над пространством тундры и ее ресурсами, прежде всего стадами оленей. Дизайн мобильности трех кочевых сообществ варьирует в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам и промышленным объектам.¹

В XVI–XVII вв. по тундрам Евразии с запада на восток прокатилась «олeneводческая революция», которая стала ответом на скандинавскую и российскую колонизацию Севера: массовые миграции северных кочевников сопровождалась борьбой за стада оленей и освоением отдаленных тундр. И сегодня состояние оленеводства определяется далеко не только пастбищными, но и человеческими ресурсами. Три евразийские тундры примерно равновелики по оленеводческому потенциалу: на Чукотке, Ямале и в Фенноскандии (включая тундры Скандинавии и Кольского полуострова) численность домашних оленей колеблется вокруг полумиллиона голов. Чуткость оленеводства к социальным сдвигам особенно заметна в сравнении Ямала и Чукотки, которые в советскую эпоху были мировыми лидерами оленеводства. В 1990 г. в Ямало-Ненецком и Чукотском АО насчитывалось поровну оленей: соответственно, 490 и 491 тыс. Однако постсоветский кризис отозвался на Ямале и Чукотке по-разному: в 1995 г. число оленей у ненцев выросло до 508 тыс., а у чукчей сокра-

¹ Головинёв А. В. Арктическая мобильность: технология и методология // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М.; Екатеринбург, 2015. С. 30–34.

тилось до 236 тыс. Ныне на Ямале около 600 тыс. домашних оленей, на Чукотке около 200 тыс. (всего в мире насчитывается порядка 1,8 млн домашних оленей). Каждая тундра переживает свой кризис: на Ямале — перепроизводство оленей (с перевыпасом пастбищ), на Чукотке — катастрофический спад. Стойкость ненецкого и уязвимость чукотского оленеводства во многом связаны с социокультурными обстоятельствами — сохранением частных стад на Ямале и тотальной их коллективизацией на Чукотке. Кроме того, сокращение на Чукотке оленей совпало по масштабам и срокам с массовым постсоветским оттоком пришлого населения — на 2/3 (прежде всего квалифицированных специалистов), тогда как Ямал сохранил прежнюю социальную и демографическую структуру. Следуя популярной еще недавно логике конфликтности интересов коренного и нового населения, в пору было ожидать, что отток пришельцев открывает простор традиционной экономике, прежде всего оленеводству с его потребностями в пастбищах. Однако случилось обратное: разрушение социальной среды, к которой десятилетиями адаптировалась чукотская культура, ввергло Чукотку в системный социальный кризис, атмосферу хаоса и мародерства. Ямал стал единоличным лидером мирового оленеводства, втрое перекрыв показатели Чукотки.

Чукчи, ненцы и саамы пасут оленей по-разному, но одинаково видят в оленеводстве экономический стержень, а в олене — символ своей самобытности (для коми-ижемцев это еще и коммерческий проект). Оленеводство обеспечивает автономию в транспортно-экономическом, социальном и мировоззренческом измерениях, которая в свою очередь создает условия самобытности любой культуры, обратившейся к кочевому оленеводству как основе жизнедеятельности.

Летние яранги. Чукотка, 2014. Фото Д. Куканова
Стадо 3-й бригады. Чукотка, 2014. Фото С. Белоруссовой

Стойбище 3-й бригады. Загон стада в кораль. Ямал, 2014. Фото Е. Переваловой

База Полмос. Кола, 2014. Фото Д. Куканова
Перегон оленей. Кола, 2014. Фото И. Абрамова

Олень мышление

Кочевнику-оленоводу присуще особое «олень мышление». У чукчей оно выражается в названиях месяцев: *гро-йльгыгын* (отел, апрель), *нетгыльгыгын* (кожа с рогов слезает, август), *эйнейгыльгыгын* (гон, сентябрь), *чачал-йльгыгын* (ворсинки на мордочке оленят в утробе, февраль), *лгор-гықа-йльгыгын* (голова в шерсти у утробных оленят, март). Чукотское восприятие времени ориентировано на ключевые периоды размножения стада — осенний гон и весенний отел. Оленеводы Северной Чукотки отмечают два праздника *кильвей*, завершающие отел и гон: весенний *рек-выт кильвей* означает «угощение важеники»; осенний чымна кильвей — «угощение быка»; оба выражают благодарение самкам и самцам за, соответственно, рождение и зачатие телят. Людям дают «оленьи» имена: *Кавы* (Узнающий оленей), *Венкайңан* (Спокойный олень), *Эленнут* (Оленья кишка).

Чукотский оленевод-наставник Андрей Антылин оценивает погоду с заботой об оленях: будет тепло — появятся оводы, которых олени боятся больше, чем волков; будет туман — олени разбредутся и станут жертвами потрав. Особенно остро он сопереживает состоянию важенок перед отелом: «у важенок плод двигается, и они быстро двигаются», а при виде ворон замечает: «эти уже представляют, как будут клевать глаза телятам».

С позиции хранителя стада он воспринимает «дикарей» (диких оленей). С одной стороны, он ценит «метисов» (потомство диких и домашних оленей) за силу, красоту, легкий бег и умение вести стадо по хорошим пастбищам, поэтому не гонит приблудившегося самца-дикаря из домашнего стада: «Пусть гуляет, хороших оленей наплодит нам». По-оленьи он характеризует людей: «грибоед» — любитель грибов (удовольствий), забывающий ради них обо всем; «мочеед» — любитель

человеческой мочи, легко дающий себя обуздать (определение для «прикормленных» и покорных людей).¹

Летом пастухи не досаждают оленям своей опекой и просто следуют за стадом. На вопрос «Куда дальше пойдете?» отвечают: «Куда олени пойдут». Если возникает нужда выбрать направление (обычно после отела), прибегают к гаданию на оленьей лопатке (*парыл'ыңын*). В первой яранге (*ермесит*), где живет бригадир, лопатку очищают от мяса, обращают на восток и кладут на нее уголек или прожигают горящей палкой. По рисунку трещин определяют, «куда лучше идти, где люди болеть не будут, где олени болеть не будут». Куда ведет трещина, туда гонят оленей.

Ненецкий год (*по*) делится на два полугодия, считающиеся двумя отдельными годами, в соответствии с летним и зимним выпасом оленей. В календаре ненцев трудно отыскать месяц, в названии которого нет связи с природными признаками, значимыми для оленеводства. Летний год, например, начинается с месяца *ты'ниц ири* (отел, апрель), зимний — с *хор'ири* (гон оленей, сентябрь). Ненецкое кредо — оленеводу хорошо, если хорошо его оленям. Оглядывая пастбище при перекочевке, ямальский бригадир-оленовод Нялма Худи со вкусом приговаривает, как хорошо олени здесь «будут кушать». Он искренне соболезнует: «Олени плачут, когда им плохо, когда их бьют, плохо кастрируют». Ненецкие женщины держат ручных оленей-авок (оставшихся без матери телят), ежедневно подкармливая их хлебом и вареной пищей. Оленевод Ёртя Сэротэтто рассуждает: «Человек [ненец] должен быть [жить] для оленя, если это не так, то он не кочевник. Без оленя мы — никто. Хороший оленевод — человек ум-

¹ Головнёв А. В. Чукотский дневник: размышления о движении // УИВ. 2015. №2 (47). С. 9–11.

ный и выносливый: пастухи как часовые сутками на посту, вялый человек все потеет. Если оленевод чист перед богами, то и олени водятся».

Ненецкая культура полна природной символики, где преобладают оленеводческие понятия и образы. На диалоге человека и оленя у ненцев основывается пространственная ориентация. Хронотоп измеряется длиной и временем оленьего пробега (в зависимости от состояния упряжки, погоды от 8 до 15 км). В звездную ночь курс движения выдерживается с учетом расположения и движения звезд относительно головы вожака оленьей упряжки, а в ненастье, при поисках стойбища, ездок полагается на чутье вожака. Среди названий ненецких родов фигурируют: *Џокатэтта* (Многооленный), *Сэротэтта* (Белооленный), *Хоратэтто* (Самцовооленный), *Тэсяда* (Безоленный), *Ядне* (Пешеход). В фольклоре намерения и настроения героев передаются цветом и числом запряженных в нарты оленей. Ненецкий пантеон полон кочующих богов, среди них есть тот, который кочует так, как положено вслед за ним делать людям. Его имя *Илибембэртя* (Жизнедержец) или *Мюсеня Хасава* (Кочующий Человек), он хозяин всех оленей, пастух, охраняющий стада от волков и болезней.² Ямальский шаман Сэхэли Нгокатета, камлая в темном чуме, изображал бога *Илибембэртя* как оленя: кого шаман-олень лизнет, тот разбогатеет, от кого шархнется, тот обеднеет. В самодийском шаманстве олень-спутник возносит шамана в небеса, сопровождает его прижизненно и посмертно, топчет и бодает его врагов. Знак могущества самодийского шамана — металлический рогатый венец.

Сегодня коммерциализация постепенно завладевает умами оленеводов Ямала

и Чукотки. Ненец Александр Сэротэтто сетует: «Раньше олени помогали кочевать, а теперь — выживать. Раньше старики говорили об оленях, о жизни и детях, а теперь — сколько стоят рога, сколько стоит бензин, где взять запчасти для снегохода». По мнению чукотского оленевода Антылина, пороки оседлой жизни губят молодежь, отнимают у чукчей будущее. «Мы — последние оленеводы», — с горечью говорит он о себе и своем брате Вуквукае.

Сегодняшние кольские оленеводы не настолько погружены в «олень мышление», как их чукотские и ямальские коллеги, для них олень — коммерческий проект, главная цель которого получение максимальной прибыли от сбыта мяса, шкур, рогов, продажи выкормленных и обученных ходить в упряжке бычков. «Теленок вырастет, ручной будет, я его выучу в упряжку и тогда продам в общину — пусть туристов катает. А если на вожака выучить, еще больше заработать можно», — рассуждает Андрей Сорванов из Полмоса.

Кольские пастухи не считают себя в полной мере кочевниками, но охотно признают за собой тягу к движению и перемене мест: «Мы как цыгане, и жизнь у нас цыганская — все тюки за собой таскаем». В размышлениях оленеводов об их образе жизни упрямо сквозит пристрастие северного человека к вольному движению. «Нравится мне ездить. Особенно на буране. Но и на оленях, конечно. Вот сейчас загонят, и я готов к стадам ехать. Покататься там, поработать», — рассказывает пастух СХПК «Тундра». Ему вторит начальник оленцефа Владимир Филиппов: «У нас особые люди работают. Те, которые в поселке, не смогут. Вот Петрович, может, давно бы удрал, да гонки любит... В оленеводстве воля все-таки, понимаешь!»

² Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 305, 306.

Наставник 3-й бригады Антылин. Чукотка, 2015. Фото Д. Куканова

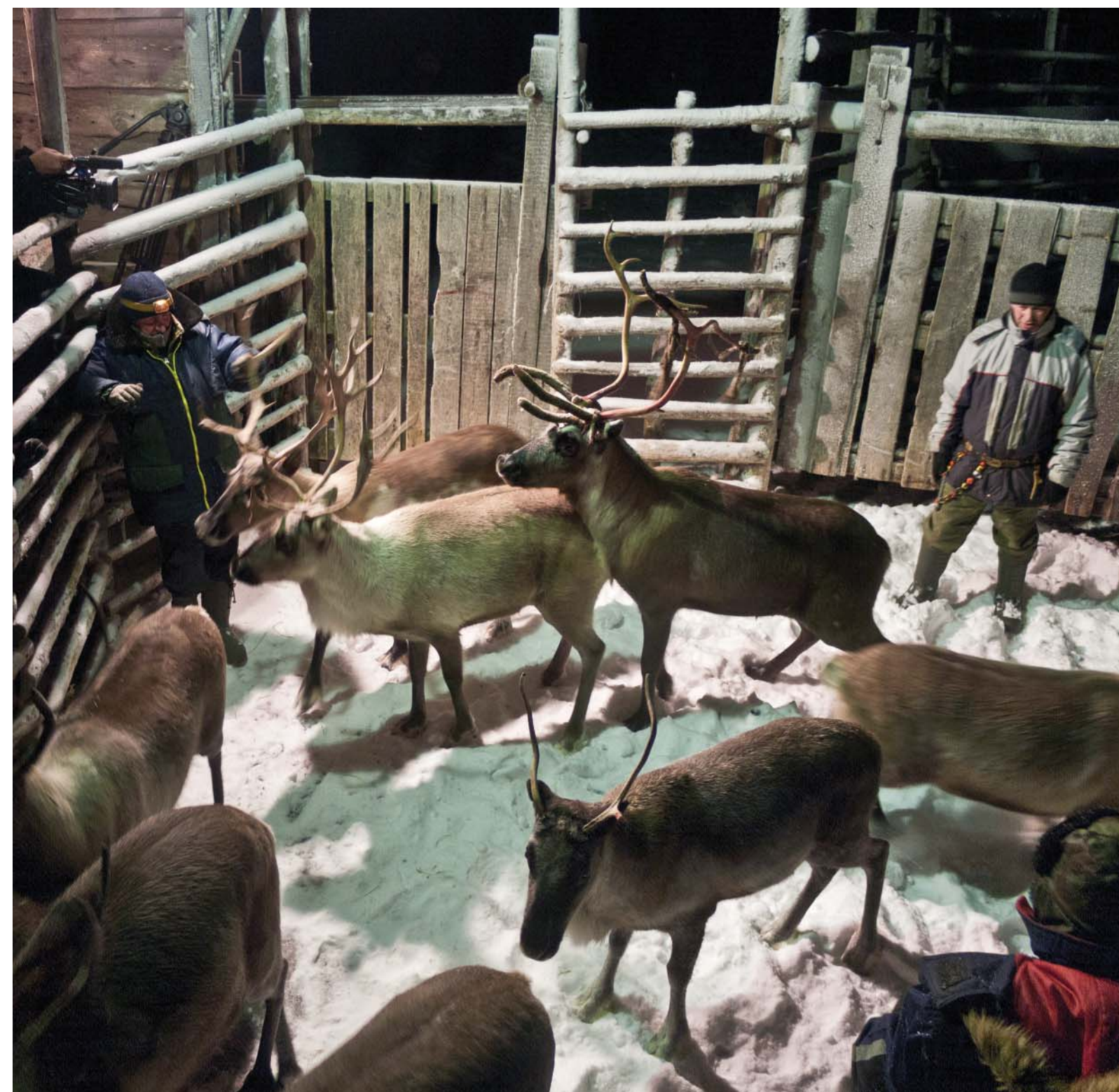
Окарауливание стада. Чукотка, 2015. Фото А. Головнёва

Бригадир Нядма Худи. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова

Святылище у Сюнай-Сале. Ямал, 2013. Фото Н. Бабенковой
Перед касланием. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова

Коральные работы на базе Полмос. Кола, 2014. Фото И. Абрамова

Начальник оленцега Владимир Филиппов. Кола, 2014. Фото А. Головнёва

Нарта

Поскольку на Ямале тундра болотистая и мягкая, а на Чукотке каменистая и «острая» (рвет любые полозья и колеса), ненцы предпочитают всегда и везде ездить на оленьих упряжках, а чукчи полагаются больше на собственные ноги или гусеничные вездеходы. Ненцы запрягают по пять оленей круглый год, чукчи — по паре и лишь зимой; ненецкая нарта прочна и массивна, но ее поломка в пути грозит катастрофой; чукотская нарта на фоне ненецкой кажется игрушечной, зато ее легко чинить и тащить вручную по камням. При виде чукотской нарты, связанной ремнями из тонких кусков дерева и оленьих рогов, ненец недоумевает; в свою очередь чукотский пастух удивляется: «А правда, что ненцы вдвоем поднимают нарту?». Кольские саамы и ижемцы давно не используют керезку, все реже садятся на нарту и предпочитают механизированный транспорт (снегоходы, вездеходы, мотолодки, квадроциклы).

Чукчи создавали конструкцию нарт на протяжении многих поколений в рамках жесткого «технического задания», которое определялось двумя позициями: экстремальным природным ландшафтом (ледяные торосы в прибрежных зонах, каменистые склоны, осыпи и снежные заструги) и ограниченностью в материалах (безлесная тундра). Отыскать древесину для постройки нарты всегда было большой проблемой. Прибрежные чукчи почитали за удачу найти на берегу подходящий плавник. Оленные чукчи кочевали в лесные области, где меняли мясо и шкуры оленей на лиственницу и березу. В этих условиях сформировался оригинальный тип «вязаных» нарт, все элементы которых соединены между собой ремнями и сохраняют некоторую подвижность относительно друг друга. «Вязаные» нарты хорошо смягчают толчки и удары во время движения. В качестве дугообразных

копыл — наиболее нагруженных элементов конструкции — используются оленьи рога (особо ценились рога дикого оленя). Полозья нарт изготавливались из лиственницы и являлись самой массивной частью конструкции, все остальные элементы делались из березы и имели малое поперечное сечение.

Чукотская нарта легкая (от 10 до 40 кг), что важно при движении по склонам сопки. При необходимости ее можно тащить за собой или даже на себе. Ее конструкция характеризуется скорее гибкостью, нежели прочностью. Недостаток прочности компенсируется ремонтпригодностью: конструкция позволяет использовать для ремонта любую подходящую ветку или рейку, соединять детали буквально «на живую нитку», многократно переставляя «донорские» детали с нарты на нарту.

Ненцы используют оленьи нарты (*хан*), запряженные 2–7 оленями (веером, ведущий олень слева), круглый год. Для скоростной езды запрягают важенок или кастрированных быков, для перевозки грузов — быков. На оленьей упряжке можно пройти до 250 км в сутки (15 км/ч). Ненцы считают, что пока цела нарта и способны бежать олени, человеку нечего опасаться в тундре. В рассказах об унесенных на льдинах в море охотниках всегда останавливается внимание на том, в какой очередности они съедают упряжных оленей. Гибельным считается побег оленей или поломка нарты. По преданиям, ненецкие отряды насчитывали до нескольких десятков (30–80) воинов или «нарт». Прямой след от нарт — признак красивой езды и, вообще, правильной жизни.¹

По конструкции различаются легковые мужские, женские и разного вида грузовые нарты, образующие при перекочев-

¹ Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 120, 160, 198, 205.

ке большого стойбища караван (*мюд*) длиной в 1–2 км. Ездовые нарты отличаются небольшими размерами, тщательностью обработки и большим количеством копыльев. В мужской нарте под шкурой-настилом держат аркан, топор, с боку привязывают ружье. Женская ездовая нарта выделяется особым изяществом: она длиннее и выше мужской, имеет кузов-кибитку с покрытием из оленьих шкур или сукна, так как вместе с матерью на нарте едут грудные и малолетние дети. Женская упряжка украшается окрашенными охрой ровдужными кистями-бахромой и колокольчиками. Мальчики с 7–8 лет, а девочки с 10–12 лет имеют свою ездовую нарту.

Ненецкая семья использует для перекочевков до 80 разных нарт, которые расставлены по путям кочевий и сменяются на ходу, будто колеса болидов на пит-стопах. Например, летом чум Нядмы Худи кочует с караваном из 40 нарт, зимой — с караваном из 45 нарт, но других, поскольку экипировка кочевья от лета к зиме почти полностью меняется. Ездовые и грузовые нарты используются как прицеп к снегоходам и другому автотранспорту.

На Кольском полуострове современную «сноумобильную» революцию предварила «нартовая».² В конце XIX — начале XX в. кочевое крупнотадное оленеводство, привнесенное переселенцами коми-ижемцами, привело к смене материального мира кольских кочевников. Саамы заимствовали у ижемцев многие черты мобильного образа жизни: чум, оленью упряжку и нарты (сами ижемцы относительно недавно заимствовали нарту у ненцев). Нарта быстро вытеснила саамскую керезку — однополосные бескопыльные сани, напоминающие челнок. В отдельных районах кереза сохранялась

² Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX–XX вв. М., 1971.

до начала XX в., но в 1920-е гг. переход к нартам и веерной упряжке завершился.³

Сохраняя общий силуэт ненецкой нарты, кольские умельцы вмешиваются в ее конструкцию на микроуровне — путем переделки (чаще всего в сторону упрощения процесса изготовления), адаптации «под себя» и даже изобретения новых элементов. Так, к примеру, появилась антенна — крученая проволока, соединяющая нащеп (продольный профиль нарты) с полозом. При этом ненецкая нарта признается в качестве дизайнерского канона, и любое отступление от него объясняется нехваткой времени, недостаточными навыками изготовления. В отличие от ненецкой нарты с ее многочисленными грузовыми и ездовыми вариациями, у ижемцев бытуют только ездовая нарта (*езжала*) — рабочий транспорт пастухов в весеннее и осеннее бездорожье, а также грузовые сани «под буран» (с массивным креплением для снегохода). Однако сохраняются гоночные нарты, сделанные специально для соревнований в дни праздников Севера. «Я для праздников отдельные нарты держу — парадный вариант, по тундре на них не езжу. Хотя, что праздник-то — ну так, в пимах походить да два дня в поселке и в Мурманске покататься. Вот и весь праздник!» — рассказывает Иван Апицын из Ловозера.

³ Хомич Л. В. Саамы. СПб., 1999.

Починка нарты. Чукотка, 2015. Фото Д. Куканова

Чукотская нарта. Чукотка, 2015. Фото Д. Куканова

Установка копыла нарты. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова

Изготовление нарты. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова
Стойбище 8-й бригады. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

Ездовая нарта. Кола, 2014. Фото С. Усенюк

Нарта-прицеп. Кола, 2014. Фото И. Абрамова
Упряжка. Кола, 2014. Фото Д. Куканова

Кораль

На ненецком стойбище с одной стороны полукругом ставятся чумы, с другой — нарты. Для отбора ездовых быков сооружают олений кораль (*ва'*) — полукруглый загон из выстроенных друг за другом нарт. Мужчины и собаки загоняют стадо в кораль, а женщины, старики и дети держат натянутую полукругом веревку (*иня' ёрка*), замыкая загон с противоположной от нарт стороны. Попадая в кораль, только что метавшиеся олени мгновенно успокаиваются. Вереочный загон-кораль называется *ёр-кулава*. Добрым знаком служит легкая *ёр-кулава*, когда все или почти все ездовые олени послушно входят в кораль. Это означает, что они «согласны» надеть узду и нести упряжку туда, куда угодно их хозяину. Внутри коралья заходят мужчины, и, расталкивая животных, обвязывают арканом или уздой намеченных для упряжки оленей, неторопливо выводят их из круга и запрягают в нарты. Во время отбора женщинам положено спокойно стоять, крепко держа веревку и не давая особо прытким оленям выпрыгнуть из коралья. Выбрав упряжных оленей, кораль размыкают и выпускают остальных животных. Не оказавшихся в загоне ездовых оленей отлавливают арканом. В этот момент мужчины преобразуются: они перебегают с места на место, совершают резкие прыжки и броски аркана, при промахе стремительно его сматывают, а при удачном броске вступают в противоборство с упирающимся (иногда беснующимся) оленем. В самый лютый мороз они ловят оленей, сняв капюшоны малиц и рукавицы.¹

Чукчи обходятся без «повседневного коралья», ездовых (пряговых) быков они выпасают отдельно от общего стада, неподалеку от зимнего стойбища. Отлов ездовых быков для запряжки ведут путем

приманивания на соль (мочу), осторожно «подгона» к ряду нарт (где некоторые олени по привычке послушно останавливаются) и лова арканами в стаде. Отлов проходит в основном спокойно, будто крадучись: хозяин приближается к оленю с кружкой соли, кормит его, обнимает за шею, опутывает арканом и привязывает к нарте. Лишь самые непослушные и шарахающиеся от людей олени становятся мишенями для метания аркана.

Саамы также использовали для отбора ездовых оленей приманивание на соль и привязывание пойманных оленей к нартам и другим грузам, а в лесной полосе — к деревьям и кустам. Олени дежурной упряжки обычно пасутся неподалеку друг от друга, привязанные на длинных веревках к деревьям, а хозяин время от времени переводит каждого оленя на новое место выпаса. Кроме того, «избное оленеводство» саамов включало сооружение небольших деревянных «огородов» для ограничения пастбищных участков и регулирования передвижения оленей летом и осенью (зимой изгороди покрывались сугробами).

Значительные по размерам мобильные или стационарные корали появились в тундрах несколько десятилетий назад с развитием товарного и промышленного оленеводства. Со времен совхозов на пути миграций кочевников и при забойных пунктах строились большие стационарные корали для просчета, отделения «забойки», клеймения, вакцинации и кастрации оленей. Сегодня кораль в виде деревянного забора или частокола высотой в 2–2,5 м дополняется металлической сеткой или полотнищами брезента. В корале несколько отделений: общий загон, входные ворота, которые делают обычно разборными, из жердей; к воротам снаружи примыкают направляющие открылки; внутри общего загона имеет-

ся передвижная загородка, облегчающая отделение животных, подлежащих обработке, и соединенная с направляющим рукавом, который ведет к выдвижным или подвесным воротам предварительного загона. Из предварительного загона олени небольшими партиями через выдвижные ворота поступают в рабочую камеру; отсюда выдвижные ворота ведут в узкий проход, предназначенный для пересчета и таврирования животных. Чтобы олени не разбежались, при выходе из коралья устраивают так называемый выпускной загон, в котором животные находятся до окончания коральных работ. Для строительства большого стационарного коралья требуются значительные капиталовложения, особенно в тундровой зоне, где отсутствует местный лесоматериал.

Ежегодный сбор стад к коралю приводит к выбиванию ягеля на больших площадях. Однако это верный способ найти своих оленей, прибывших к чужим стадам. Поэтому на коральях оленеводы терпеливо ждут прибытия всех бригад. Отобрать своих оленей по меткам на ушах или боку оленя, как правило, не составляет труда. Однако случаются курьезные случаи: «Манти Худи живет с матерью в отдельном чуме (отец умер). После падежа оленей в 2013/14 г. он приехал на кораль в Поц-яху, чтобы собрать разбежавшихся оленей. При отборе выяснилось, что у оленей богатого оленевода Матвея Сэротэтто из Панаевска уши оленей подрезаны так же, как у оленей Манти. В этой ситуации молодому оленеводу остается надеяться на поддержку дяди и честность богача».²

На севере Чукотки кораль для просчета, вакцинации, кастрации и сортировки стад находится в ведении дирекции

сельхозпредприятия и перевозится на вездеходах и грузовиках дважды в год от бригады к бригаде. Несколько дней уходит на его монтаж, коральные работы, в которых заняты местные пастухи и приезжие работники сельхозпредприятия. Затем отобранное для забоя стадо направляется на базу предприятия «перегоном», длящимся иногда больше месяца.

Расположение коралей предопределяет направления кочевания оленеводов в течение года. Большие стационарные корали, как правило, приурочены к забойным пунктам. Забойные пункты в свою очередь тяготеют к населенным пунктам, транспортным узлам, где олени могут оперативно пройти ветеринарный контроль, а мясо и другую продукцию оленеводства можно складировать. Товарный характер оленеводства «приписывает» кочевников к тем или иным коральям, поселкам, где они проводят забой и торг. Свобода кочевания, зависящая от природно-климатических факторов и системы родства и соседства, становится еще более ограниченной в условиях договорных торговых обязательств. Удачно расположенные корали со временем обрастают дополнительными зданиями (функциями): гостевыми домами, складами, боксами для ремонта техники, торговыми лавками, дизельными станциями (кораль Полмос, Ловозерский район, Мурманская обл.). Кораль может превратиться в факторию, а со временем перерасти в поселок. Сами корали при этом нередко приходится перемещать из-за нехватки пространства для маневров со стадами. Корали становятся центрами коммуникаций. На вопрос «Почему именно здесь была поставлена база?» Владимир Филипов ответил просто: «А тут центр земли. Центр от Ловозера и до моря. Удобное положение. Проход оленей. Здесь стыковка идет».

¹ Головнёв А. В. Говорящие культуры. С. 198, 300.

² О падеже оленей на Ямале в 2013/2014 г. см.: Перевалова Е. В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // УИВ. 2015. №2 (47). С. 39–49.

Оленеводы в корале. Чукотка, 2015. Фото Т. Киссер, Д. Куканова

Кораль в 3-й бригаде. Чукотка, 2015. Фото Д. Куканова

Кораль в 8-й бригаде. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова

Кораль на базе Полмос. Кола, 2014. Фото И. Абрамова

Perpetuum mobile

Путешественники, гостившие в стойбищах арктических кочевников, не раз отмечали, что в жилище все работы выполняет женщина, которая разводит очаг, чистит шкуры, кроит, шьет, сушит одежду, носит воду и колет дрова, следит за детьми и собаками, готовит пищу, накрывает и убирает стол, расстилает и складывает постель. Мужчина ест, пьет, дремлет, курит, полулежа беседует с гостем, невозмутимо наблюдая за стараниями жены и не пытаясь ей помочь. Дополненная ссылкой на многоженство и сакральные запреты для женщин, эта картина создает иллюзию эксплуатации и бесправия женщины. Однако, если пришелец, движимый джентльменством, пытается помочь женщине колоть дрова или носить воду, это вызывает усмешку, а иногда обиду. По кочевой традиции, в помощи нуждаются лишь немощные, и мужчина, выполняющий работу жены, показывает, что она не вполне дееспособна, и пора сватать вторую жену. Кто бывал в тундре, тот знает, сколько раз на дню женщине приходится накрывать и убирать стол в чуме; при этом, по словам хозяек, «с годами стол все тяжелее становится». Но женская миссия состоит не только в поддержании семейного очага в широком смысле (от продолжения рода до содержания жилища), но и в обеспечении мобильности оленевода-кочевника. «Без женщины невозможно кочевать (каслать) — некому ни аргиш (караван) вести, ни чум поставить», — считают ямальские ненцы.

Подобно женщине в чуме, мужчина активен в открытой тундре, где он пасет оленей, охотится и ловит рыбу, осматривает пространство и направляет кочевья, посещает святилища и приносит жертвы тундровым богам. Быстрота движений присуща мужчинам, когда они прыгают на нарту, уносимую сорвавшимся с места оленями, когда они гребут на лодке по

высокой волне, бросают или выбирают невод, выхватывают ружье из-под настеленной на нарте оленьей шкуры, состязаются в борьбе, перетягивании палки или прыжках через нарты. Все эти движения коротки, и за ними вновь следует длительная полоса замедленного поведения. Женщина в открытой тундре целиком полагается на мужчину, который выполняет здесь все работы, включая обеспечение безопасности, поиск пути, переправу через реки, починку нарт и упряжи. В повседневности сферы деятельности кочевников разделены на «мужскую тундру» и «женский дом». С детства девочки играют внутри чума, мальчики — снаружи.

На стойбище, в жилище и кочевом караване мужские и женские вещи и функции разделены. Священная, противоположная от входа, сторона ненецкого чума (*си*) считается мужской, привходовая (*нѐ*) — женской; мужские вещи перевозятся в мужском караване, женские — в женском; на мужскую легковую нарту не садится женщина, в женскую кибитку не влезает мужчина; женщине нельзя переступить через мужские вещи, смешивать свою обувь с мужской. Это разделение особенно четко регламентируется в религии и обрядах. При родах, где запрещено присутствовать мужчине, действуют силы женского пантеона; на тундровых святилищах, к которым не подходит женщина, — духи мужского пантеона. Впрочем, ритуальные табу и другие гендерные ограничения, создающие обособленные сферы (вплоть до особых «диалектов» — произнесения отдельных слов по-мужски и по-женски) не изолируют их, а объединяют в функционально упорядоченное пространство.¹

В ритме жизни чукотских кочевников сочетаются пики и паузы. В умении чередовать эти состояния кроется секрет

стойкости их культуры. Пастухи, описывая свои действия, замечают: «Наше дело — тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении». Так же настроены женщины относительно своих хлопот по поддержанию огня (печка-буржуйка подтапливается зимой около 20 раз в день), приготовлению пищи, мытью посуды, пошиву одежды. Впрочем, эти «тихие» движения в условиях морозов и метелей кажутся привычными и рутинными только чукчам — у стороннего гостя они могут вызвать оторопь или восхищение. Этот ритм не исключает аритмии и рывков. Для женщин усилием оказывается разделка туш оленей на морозе в течение целого дня или разбор-перевоз-сбор яранги при перекочевке. Для мужчин это загон и лов оленей, а также поиск и сбор стада. В этих ситуациях особенно важна роль лидера стойбища, который подгоняет других подобно тому, как каюр подгоняет бегущих в упряжке оленей.

Разделение мужской (открытая тундра) и женской (дом с очагом) сфер соотносится с ритмом мужских и женских действий: если активна женщина, пассивен мужчина, и наоборот. В гендерной специализации оптимально используется индивидуальный потенциал, состоящий, например, в замечательной способности мужчины сутками в дождь или стужу окарауливать стадо, а женщины — без усталости готовить пищу и шить одежду (даже дряхлая старуха, уже ослепнув, продолжает шить). Слаженное чередование усилий и ролей женщины и мужчины напоминает *perpetuum mobile*, обеспечивающий энергией автономную жизнь и бесконечное движение тундровых кочевников.

Бригадная организация труда в системе оленеводства Кольского полуострова включает должность чумработницы («хозяйки усадьбы» в современном реестре профессий среднеспециального коллед-

жа с. Ловозеро). В большинстве случаев чумработницами становятся члены семей оленеводов — сестры, жены или подруги, дочери. Повседневные обязанности хозяйки сводятся к изнурительной и низкооплачиваемой рутине. «В чумработницы идут плохо: зарплата небольшая, работа тяжелая — не каждая сможет. Надо стирать, баню топить, печку топить. Вообще много всего!» — сетует Владимир Филиппов. Современная семья кольских оленеводов фактически живет «на два дома»: мужчина в тундре, женщина с детьми в поселке.

При изменении кочевого образа жизни движение обретает новые формы. Саамская столица Кольского полуострова, с. Ловозеро — территория женской активности. Местное этнополитическое сообщество представляют в основном женщины: устраивают и участвуют в собраниях, съездах, где с жаром оппонировать друг другу, представляя разные «фракции» саамского национального движения. Мужчины, как правило, ограничиваются второстепенными ролями — третейскими и представительными функциями, в то время как тон и вектор дискуссий определяют лидеры-женщины. В ненецкой или чукотской моделях общественно-политического поведения мужчины играют ведущую роль, а женщины остаются «хранительницами очага» и «надежным тылом». В саамской инверсии можно усмотреть европейские тенденции феминизации, которая объясняется скорее пограничной географией региона, нежели особой предрасположенностью культуры. В то же время перераспределение ролей стало адаптацией к сложным социально-политическим событиям 1990-х гг., когда мужчины сосредоточились на выживании физическом, а женщины — на выживании социально-культурном, что в целом поддерживало этническую витальность.

¹ Головнёв А. В. Кочевники тундры. С. 38–45.

Перед разделкой оленя. Чукотка, 2015. Фото Т. Киссер

Борис Кутувги с упряжным оленем. Чукотка, 2015. Фото А. Головнёва

Заготовка дров. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

Лов оленей. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова
Упряжка. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

Выпечка хлеба. Кола, 2014. Фото А. Головнёва

В корале Полмоса. Кола, 2014. Фото И. Абрамова

Дети кочевников

Кочевники многодетны. Средняя семья оленеводов насчитывает 3–4 ребенка. Рождение потомства расценивается как прибавление богатства, сопоставимое с приращением оленьего стада. Помимо надежды на многочисленных богинь-прародительниц и богинь-покровительниц рода и семьи, имеющих высокой статус в божественном пантеоне, в отношении к рождению ребенка у кочевников выработалась установка на самонадежность. Она развивается едва ли не с момента родин. Раньше у кочевников не было принято создавать особых удобств для рожениц. Ненецкая женщина рожала на женской половине жилища или в отдельном «нечистом» чуме, на оленьей шкуре и при горящем огне. Нередко ей приходилось рожать в экстремальных условиях кочевий (например, на движущейся нарте или брошенной на снег шкуре); новорожденного младенца заворачивали в оленью шкуру и помещали в колыбель. Уже при родах ребенок проходил первое испытание, сравнимое по сложности с инициацией, и приобретал соответствующее имя-прозвище: родившегося в пути называли Мюсена (от *мюд* — караван), в гостях — Мядуна (от *мяди* — гостить), в пурге — Хадко (от *хад* — пурга).

Отношение к детям в семьях кочевников не лишено нежности, но ориентировано на приобщение к кочевому быту: «Рождение ребенка только начало, главное для матери воспитать его, чтобы смог в тундре жить». Младенец сразу привыкает к оленеводческой пище — с грудного возраста ему дают сосать куски сырого мяса с кровью и сырой костный мозг оленя. У ненцев младенец в колыбели называется, независимо от пола, «люлечный» или «шкурный». Даже в люльке дети ведут себя степенно, а, повзрослев, нечасто вызывают о помощи, обходясь собственными силами. Различия по полу намечаются по выходе из колыбели: «ходячий маль-

чик» и «ходячая девочка». Одетые в малицы и комбинезоны из оленьих шкур дети похожи на оленят. Их одежда украшается разноцветными лентами из сукна и меха, бисером и бусами, металлическими подвесками и колокольчиками, чей звон способен отпугнуть злых духов.

Осмысление мира начинается с игры. Детские игры имитируют взрослые занятия, и переход от игр к делам происходит незаметно. Девочки играют с куклами из клювов водоплавающих птиц, кусочков оленьих шкур и сукна, мальчики — фигурками оленей и нарт, маленькими луками и арканами. В играх девочек имитируются сцены стойбищной жизни: перекочевка, гости, свадьба. В играх мальчиков активно осваивает пространство стойбища: мишенями из арканов и стрел становятся любящие торчащие предметы — воткнутые в снег шести-хореи, носы нарт, зазевавшиеся собаки и взрослые. К 5–6 годам рука мальчика привыкает к ножу, а девочки — к игле. Нож и игла считались «первоорудиями»: с помощью иглы и нитей из оленьих сухожилий женщина шьет одежду, меховое покрытие жилища, постель, с помощью одного или нескольких ножей мужчина способен починить нарту и изготовить любое орудие.¹

Дети с азартом играют во взрослых и легко ими становятся. Многочисленное стадо Ерти Сэротэтто достанется его четырехлетнему внуку, любимцу семьи и шалуну Пупте. У него, как и у деда, малица покрыта дорогим голубым сукном, есть свой аркан из незамерзающего на морозе финского провода. Свой игрушечный снегоход «Буран» Пупта оставляет на летней стоянке вместе со снегоходами взрослых мужчин. Взросление наступает, когда ребенок начинает управляться с оленьей упряжкой: в 12 лет мальчик на своей нарте

¹ Мифологическое время: Альбом-каталог Государственного музея Природы и Человека. Т. I. М., 2003. С. 30–50.

пасет оленей, а девочка ведет свои нарты в оленном караване. В 13–14 лет юноша и девушку уже неприлично называть их детскими прозвищами. Они вступают в новый период, когда им открываются взрослые знания. Подростки не только совершенствуют мастерство и укрепляют базовые мотивации (юноша — успешный оленевод, девушка — мастерица и мать), но и проходят испытания на особые способности. Юноши наряду с взрослыми мужчинами принимают участие в состязаниях — гонках на оленьих упряжках, метании аркана и топора, прыжках через нарты, перетягивании палки, девушки демонстрируют первые шитые ими узоры и одежды.

Введенная в советское время система школ-интернатов отлучила детей от родителей и нарушила механизм межпоколенной передачи кочевого опыта. «Похищенное поколение» туземцев во многом утратило элементарные навыки жизнедеятельности (ориентирования на местности, выбора пастбищ, содержания домашних животных). Если по традиционной модели воспитания молодые люди к 14–15 годам обретали дееспособность и культурную полноценность, то в новых условиях приобщение к традициям возобновляется лишь в 18–20-летнем возрасте. Возможно, перспективы кочевничества определяются уже сейчас в диалоге тундровиков старшего и младшего поколений. Свои надежды с оленеводством пока еще связывает ненецкая и чукотская молодежь. Но если для молодых парней из оленеводческих семей остаться в тундре — осознанный («по велению сердца») или вынужденный (отсутствие работы в поселке) выбор, то для девушек — завидная перспектива. Чукотский оленевод-наставник Антылин считает соблазны поселковой жизни и пассивную жизнь в интернатах вредными для детей тундры, а молодых оленеводов, пасущих ста-

до под музыку в наушниках, сравнивает с оленями-грибоедами, у которых страсть к грибам затмевает все остальные чувства, включая инстинкт самосохранения.

Дети современных кольских оленеводов знакомы с оленеводством в основном по рассказам отцов и видеофильмам. Семейные выезды в тундру сегодня скорее экзотика, кратковременное каникулярное приключение. Однако и в летний период, когда у школьников есть возможность выехать в стадо, олени находятся на вольном выпасе и увидеть их можно лишь случайно и издалека. Поэтому дети кольских пастухов знают оленя преимущественно в виде оленины, привозимой с зимнего забоя. В условия поселковой жизни им предлагается множество альтернативных увлечений, одно из которых — техника. Угнетающее состояние оленеводческой отрасли в настоящее время — низкие зарплаты и тяжелые условия труда — еще больше отдаляет новое поколение от отцов. Гаврил Кириллов из Полмоса спросил своего сына: «Что, пойдешь пастухом?» В ответ услышал: «Папа, боже упаси! Неблагодарная работа. Я вижу, как ты работаешь: по полгода, по девять месяцев дома не бываешь!» С целью возрождения интереса к оленеводству у молодежи в начале 1970-х гг. коренной саам-ловозер-рец Павел Юрьев организовал кружок «Юный оленевод», убедив руководство совхоза «Тундра» выделить учебное стадо. Опыт оказался успешным: за десятилетие работы кружка количество молодежи в совхозе удвоилось. Однако к настоящему времени «Юный оленевод» превратился в легенду из прошлого. Детские игры с оленями и в оленей, с которых начиналось тундровое воспитание кочевников, ныне непопулярны и физически невозможны. Пастушество превратилось для них в отчужденное и отдаленное от родного дома занятие взрослых.

Девочка в меховом комбинезоне. Чукотка, 2015. Фото А. Головнёва

Окно яранги. Чукотка, 2015. Фото Т. Киссер

Игры Пупты. Ямал, 2014. Фото Е. Перваловой

Наследник традиций. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова

Поездка на вездеходе. Кола, 2015. Фото С. Усенюк

Пассажир снегохода. Кола, 2015. Фото С. Усенюк

Транспортная революция

Масштабное вторжение механического транспорта в тундру, начавшееся в эпоху активного индустриального освоения Севера (1960–1970-х гг.), продолжается и сегодня. Неприхотливые тяжеловесы на гусеничном ходу, способные медленно, но верно пробить себе путь практически в любых условиях, сменила техника малых форм и повышенных скоростей, изменившая локальные практики передвижения по бездорожью. Стремительное распространение снегоходов и квадроциклов, с одной стороны, спровоцировало трансформацию традиции, с другой — открыло новые возможности для обновления стратегий и приемов содержания стад, движения и мышления кочевников.

Гусеничные вездеходы сложно причислить к современной технике: они уже «вросли» в ткань тундровой жизни — без них невозможно представить связи с «большой землей», снабжения товарами первой необходимости, «заброску» оленеводов и их семей к местам кочевий. В большинстве оленеводческих хозяйств громоздкие и топливоемкие вездеходы зачастую остаются безальтернативным транспортом благодаря их проходимости и возможности ремонта в полевых условиях. Частые поломки в условиях северного бездорожья оказываются не препятствием, а только поводом для повышенного внимания и ответственности со стороны водителя. По словам одного из ямальских вездеходчиков, «железо есть железо — все равно рано или поздно ломается. Тут важно, как ты заботишься о своей машине». Воспринимая вездеход как равный себе («это коллега, а не телега!») водители оставляют за техникой право решающего голоса: «Это не мы, а вездеход решает, когда нам ехать». По воспоминаниям жителей Колы, «в 1990-е годы вездеход у вояк [в воинских частях] можно было купить как оленя — за бутылку водки!».

Основным недостатком гусеничной техники местные жители называют отсутствие запасных частей и высокий расход топлива. Для многих важна и экологическая чистота. Каменистые тундры Чукотки и Кольского полуострова, в отличие от мягкой и ранимой тундры Ямала, менее подвержены воздействию гусеничного транспорта. В каждой из трех тундр экологическая ситуация зависит от географии и плотности вездеходного трафика. На Кольском полуострове, например, вездеходные маршруты в районах оленьих пастбищ находятся под контролем оленеводческих хозяйств. «Здесь в тундру одна дорога, по ней кроме наших вездеходов никто не ездит. Мы и туристов сами возим. Знаем когда и куда ехать», — говорит Евгений Филиппов. Для оленеводов Ямала неконтролируемый трафик гусеничной техники разной ведомственной принадлежности (геологических партий, строительных организаций и предприятий нефтегазового комплекса, заводов) — одна из главных проблем.

В ямальской тундре уже давно разъезжают колесные вездеходы-трэколы. Выносливая техника с повышенной проходимостью, способная передвигаться по снежной целине, заболоченной местности и песку, обеспечивает перевозку людей между населенными пунктами и доставку продуктов и других грузов в поселки и на заводы. У хозяев частной заводы «Сонянгто» ненцев Аллы и Дмитрия Худи один гусеничный вездеход и два трэкола. Их заводы стоят на перекрестке миграционных путей оленеводов: летом обслуживают «панаевцев» (бригада МОП «Панаевское»), зимой — «ярсалинцев» (бригада МОП «Ярсалинское»). Продукты, товары и бензин завозят на своей технике из Лабытнанг по трассе вдоль железной дороги. По словам Дмитрия, «появление трассы дало возможность отказаться от

дорогостоящей доставки грузов по железной дороге».

В быт и жизнь кочевников Чукотки, Ямала и Колы прочно вошел снегоход — как и по всей Арктике, где произошла сноумобильная революция.¹ На Кольском полуострове снегоходы стали главным средством окармливания оленей, вытеснив ижемские упряжки, саамские вьюки, собак-оленегинок. Лишь в мае пастухи на месяц пересаживаются на упряжки, однако квадроцикл может вскоре оставить за оленьей упряжкой лишь «сувенирную» функцию. Техника позволила вдвое сократить численность бригад и заменить постоянное окармливание пастушеской вахтой. Все эти новшества отчуждают пастуха от стада, он уже не ассоциирует кочевье с домом и больше похож на вахтовика, выезжающего в стадо на пару недель.

Ненцы часто не без юмора сравнивают снегоход «Буран» с оленем, отдавая должное скорости первого и надежности последнего. В сопоставлении, по ненецкой традиции, учитывается экологический аспект: оленья нарта, в отличие от снегохода, не оставляет следа в тундре и сохраняет пастбища. Для современного ненца-кочевника олень по-прежнему ассоциируется с основным капиталом (иногда оленей называют «деньгами», «сберкнижкой»), тогда как снегоход требует затрат — ненец приобретает снегоход благодаря оленям, а не оленей благодаря снегоходу. Современный транспорт, его технические параметры, скоростные режимы занимают ведущее место в разговорах молодежи. Учитель школы-интерната с Яр-Сале заметил, что раньше дети знали гораздо больше ненецких сказок, легенд, пословиц, а теперь эти сюжеты оттесняются новыми темами: «Сейчас зимой у них

больше разговоров о технике — бураны, снегоходы — это они досконально знают. Если дать им нарисовать “Буран”, они его со всеми запчастями нарисуют». Старики же сетуют: «Все время у молодежи уходит на технику, а не на оленей. Захотел пастух, сел на “Буран”, а олени сами пасутся».

Наряду со снегоходом в оленеводческих хозяйствах свою функциональную нишу заняли мотолодки, которые используют не сами пастухи, а их родственники и соседи, занимающиеся рыболовством, морским зверобойным промыслом и торговлей. В тундрах появляются первые квадроциклы, на которых пока ездят самые именитые оленеводы (тем самым быстро распространяя моду на это многообещающее новшество). У многих мечта «взять себе квадрик» основана скорее на впечатлениях, чем на реальном опыте, но иметь летний «болотоход» наряду с зимним снегоходом, настроены многие молодые тундровики.

Динамичным кочевникам свойственна как пластичная адаптивность, так и цепкость в восприятии и креативность в применении новаций. Чукчи-олениководы выработали собственную модель механизированного выпаса оленей с помощью вездеходов, кольские «оленные бизнесмены» сумели извлечь дополнительную прибыль от сезонного пребывания в тундре, добавив к уже традиционному гусеничному транспорту юркие экономичные квадроциклы, ямальские кочевники «обучили» мастерству пастыбы оленей газпромский поезд.² Техника органично встраивается в кочевой круговорот: вездеход участвует в празднике молодого оленя, снегоход тянет нарты на перекочевке, квадроцикл собирает морошку по окрестным болотам.

¹ Pelto Pertti J. The snowmobile revolution. Illinois, 1987.

² Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / А. В. Головнёв [и др.] Екатеринбург, 2014. С. 25, 26.

На квадроцикле. Чукотка, 2014. Фото А. Головнёва

Под флагом. Чукотка, 2014. Фото А. Головнёва

Вертолетная площадка в Яр-Сале. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова

«Трэкол». Поезд Обская — Бованенково. Ямал, 2015. Фото И. Абрамова

Ремонт вездехода. Кола, 2015. Фото С. Усенюк

Кибер-стойбище

Поступь глобализации в тундре видна не только в широком распространении снегоходов, трэколов и квадроциклов, но и электрогенераторов, телевизоров, спутниковых тарелок, DVD-плееров, ноутбуков, сотовых телефонов, GPS-навигаторов.

Ямальский оленевод Дмитрий Сэроттто высказался: «Тундру испортил генератор», имея в виду недавнее массовое обеспечение Газпромом оленеводов бензогенераторами, благодаря которым современное ямальское стойбище по вечерам дружно (каждая семья в своем чуме) смотрит боевики и мелодрамы, отвлекаясь от тундровых забот. Обстановка тундрового вечера, которая прежде располагала к традиционным играм или исполнению долгих ненецких сказаний, ныне располагает к просмотру кинофильмов на видеоплеерах и ноутбуках. Жидкокристаллический экран светится в той самой «чистой» (синяцы) части чума, где прежде располагались священные предметы. В час вечернего досуга на стойбище ежедневно раздаются гулы генератора, и все чумы погружаются в созерцание и попутное обсуждение сюжетов кинофильмов. Ненцы признают, что эти сеансы отвлекает их от традиционных занятий, а после ночного просмотра фильма «утром идти работать совсем не хочется». Впрочем, пока в ценностном балансе приоритет остается за традицией: «Олень — главное богатство, и фильм не будешь смотреть долго, если олени разбежались».¹ Но старики все равно ворчат: «Раньше хорошо жили: света не было, телевизоров не было, компьютеров не было, все внимание — стаду». Житель тундры Евгений Ладукай замечает: «У нас есть телевизор, спутниковый телефон, плитка, генератор, DVD. У нас сейчас в тундре проблема одна — бензина нет». Из-за постоянной нужды в бензине и сложности его поставки телевизор становится роскошью.

Среди регионов Российского Заполярья лидером по инновациям можно считать Кольский полуостров. Благодаря близости пастбищ к поселкам и наличию развитой сети дорог оленеводческий сектор стал плацдармом для технологических экспериментов. С доступностью ряда военных технологий для гражданского использования, в частности систем спутниковой навигации GPS и ГЛОНАСС, в оленеводческом кооперативе «Тундра» эксперименты перешли на уровень кибер-мобильности: весной 2015 г. были установлены тестовые трекеры-ошейники для отслеживания миграции стад (подобная технология используется оленеводами соседней Фенноскандии). «Пока для пробы трекеры приметным оленям повесили. Стадо все равно разбредается, можно определить, где оно. Посмотрели по GPS — и на снегоходах туда... Если все пойдёт хорошо, может быть совхоз ещё прикупит. В общем, движемся вперед! 21-й век, как-никак!» — поясняет Евгений Филиппов. Установка ГЛОНАСС-маячков на совхозные снегоходы позволила отслеживать перемещения пастухов.

Технологии навигации обретают все большую популярность: оленеводы охотно покупают портативные навигаторы и другие устройства (например, смартфоны) с GPS-приемником. «Я свой GPS купил в 2013 году. Ношу его с собой, либо на снегоход цепляю, чтобы дорогу смотреть. Очень удобно — все пишет, все данные сохраняет... Два года назад срубил полоз для нарты и точку поставил — но до сих пор туда доехать не могу, так и лежит, наверное, мой полоз», — рассказывает Алексей Тальков из Полмоса. «GPS-ки нужны, с ними ездят в непогоду, в тумане, в темноте. Но это еще и экономия топлива — не нужно крутиться в поисках дороги. И важен не трек, а карта, чтобы самому точки забить. Смотрю, где речка, где горка, и сразу понимаю, где я нахожусь. Так что

на кой черт мне этот трек — взял и погнал напрямки», — добавляет Николай Селиванов.

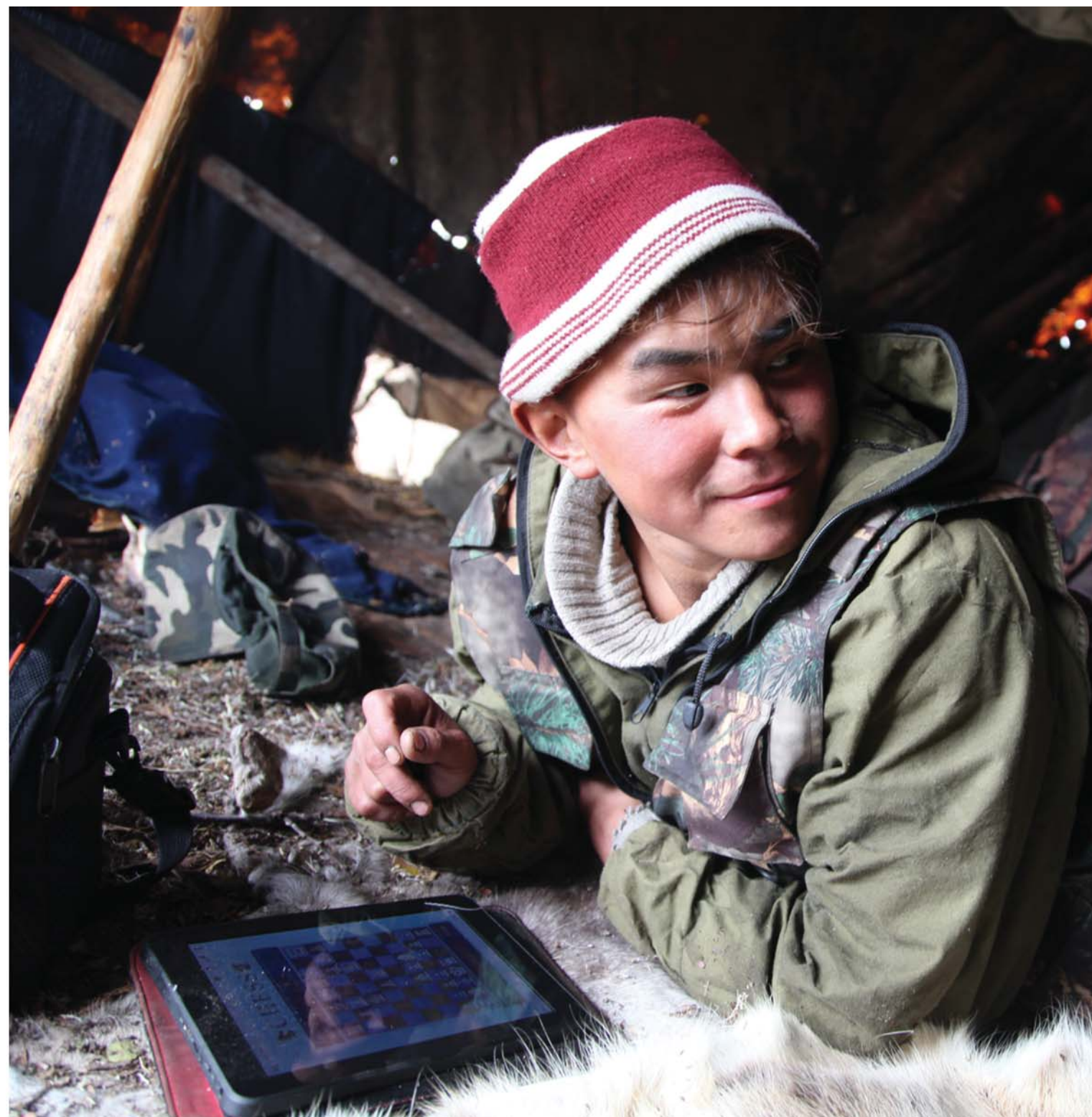
Серьезные изменения претерпевают формы доставки электричества в тундру: от портативных бензиновых генераторов до транспортабельных модульных электростанций на альтернативных источниках энергии. В 2015 г. на Кольском полуострове, в центральной оленеводческой базе Полмос СХПК «Тундра», была запущена гибридная станция (ветряк-дизель). Появление бесперебойного источника энергии не могло не отразиться на повседневной деятельности обитателей базы: телевизоры в домиках, ранее включаемые на несколько часов по вечерам, теперь работают в режиме нон-стоп; круглосуточно заряжаются разные гаджеты (смартфоны, планшеты, mp3-проигрыватели, светодиодные фонари). В ближайшее время планируется оснастить базу Интернетом. «Наша Таня в планшет теперь все время играет. Вчера даже хлеб испортила — за тестом не уследила», — смеются над поварихой обитатели Полмоса.

В целом всеобщая виртуальная «мобилизация» — появление доступной сотовой связи, новых форматов сохранения и передачи данных и сопутствующая стремительная эволюция гаджетов — привели к изобретению локальных способов обращения с новыми технологиями. Например, находясь в тундре в условиях удаленности от очагов покрытия сотовой связи, пастухи выработали собственные практики использования мобильных телефонов: от регулярного выхода или выезда на технике на точку, где есть постоянная связь, до употребления нескольких телефонов (один с хорошим удерживанием сигнала для связи, второй для воспроизведения музыки, третий для фотографирования). В тундре уже есть случаи брачных знакомств через интер-

нет; например, молодожены Илья и Раиса Салиндер познакомились на специальном сайте, где ненцы могут найти себе подходящую пару.

Однако кибер-новшества вызывают неоднозначную реакцию: недавно, например, старейшины колымских чукчей предложили запретить молодежи использовать GPS-навигаторы, потому что из-за них пастухи теряют навыки самостоятельного ориентирования в тундре, привыкают к электронному поводырю и в критический момент оказываются на грани смертельного риска. Ощущение тундрового пространства и мастерство ориентации в нем основаны не только на полифонии ощущений и знаний, но и их прямой включенности в ситуацию, мастерстве «видеть и слышать тундру» в ее обманчивой монотонности и сложной динамичности. Передача пространственной информации у кочевников осуществляется в непосредственной практике, хотя и дополняется вербально, в том числе в фольклоре (для восприятия устных географических сведений и усвоения информации необходимы выверенная ментальная карта, пространственное воображение и хорошая топографическая память). Все это предполагает постоянный непосредственный «многоканальный» контакт-мониторинг человек-тундра, нарушение или уменьшение которого чревато утратой одного из главных преимуществ северянина-кочевника — искусства контроля над пространством. Выбор, разумеется, за самими тундровиками, но еще вернее было бы обойтись без выбора, отыскав здоровый баланс традиций и новаций.

¹ Этноэкспертиза на Ямале. С. 89–92.

Генератор на стойбище. Чукотка, 2014. Фото Д. Куканова
В яранге. Чукотка, 2014. Фото С. Белоруссовой

С планшетом. Чукотка, 2014. Фото С. Белоруссовой

Запуск генератора. Ямал, 2015. Фото А. Роговой

Оленевод в стаде. В чуме. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

Ветряк. Кола, 2015. Фото С. Усенюк

Пастух с мобильником. Кола, 2014. Фото А. Головнёва

ЧУКОТКА

Вуквукай в стаде 6-й бригады. Чукотка, 2014. Фото А. Головнёва

Чукотский бег

Чукчи ходят быстро. У них особый тундровый шаг. Они одинаково быстро идут по дороге, по болоту, через кустарник. Городскому человеку, привыкшему к другому шагу, в таком темпе комфортно идти максимум час, потом он начинает уставать. А чукча таким шагом умудряется преодолевать необходимые расстояния, и отдыхать, и следить за стадом... На Чукотке бег и быстрая ходьба традиционно возведены едва ли не в культ.¹

Чукотские предания учат: «У чаучу [оленевода] самое главное — ноги. Если чаучу бегают быстрее любого оленя, он оленей сбережет. Если чаучу бегают дольше любого оленя, то он оленей сбережет. Если чаучу бегают быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги, и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает».²

Более века назад российский этнолог В. Г. Богораз отмечал: «Чукчи отличаются не столько быстротой бега, сколько выносливостью, особенно оленные. Они могут бежать несколько миль по глубокому снегу, даже в тяжелой меховой одежде. Но и быстрота чукотского бега также заслуживает немало удивления. Можно встретить чукотских пастухов, которые в состоянии настичь самца оленя, бегущего вскачь... Молодые женщины и девушки у чукоч устраивают свои женские состязания в беге и при этом проявляют страстность не меньшую, чем мужчины».³ О том же пишет Н. Ф. Калинин: «Чукчи, особенно оленные, замечательные ходоки. Это прямо какие-то стальные люди в преодолении усталости, голода, бессонницы».⁴

В чукотской байке о быстроногом пастухе рассказывается: «Стадо оленей три часа ходит, потом час лежит. За этот час настоящий пастух успевает сбегать на стойбище, полюбить девушку и вернуться к своим оленям в тот момент, когда они только встают. При этом он предпочитает не свое стойбище, что поближе, а чужое, что подальше». По другой версии, быстроногий оленевод после дневной смены ложится спать в своей яранге, делает вид, будто уснул, дожидается, когда захрапит отец, затем выбирается из яранги, бежит по ночной тундре в соседнее стойбище, расположенное километров за двадцать. Там он проводит остаток ночи со своей возлюбленной и бегом возвращается назад. Отец пробуждается, а сын-пастух уже на ногах — собирается в стадо на очередное дежурство.

Культ бега и хода выражен у чукчей в фольклоре, повседневности и даже именах. Многие мужские имена так или иначе связаны с движением: *Тынарагэтытагын* (Возвращающийся на рассвете), *Тыңарале* (Скатывающийся), *Сайвыгыргын* (Ходящий), *Тыңсейвын* (По звезде ходящий), *Тымнесайвын* (Просто идущий), *Наталько* (В тундре вставший). В женских именах тоже ощутимо движение, но с «домашним» оттенком: *Рахтына* (Домой идущая), *Нутеңэут* (Земляная).

Бег — центральное событие зимнего праздника ульвэв в полнолуние декабриянваря: забег начинается утром, а заканчивается вечером; участники по солнцу оббегают гору, получая в награду шкуру моржа, нерпичий жир, оленя или нарту. В чукотских сказаниях описываются не только состязания бегунов, но и их тренировки. Например, мальчик, желавший стать богатырем, «целый день бегал по тундре, носил тяжести, приходил домой поздно ночью и спал стоя — опершись о полог». Превосходство бегуна над оленьей упряжкой отражено в предании ча-

унских чукчей «Тымэрэч», где состязание за девушку проходит в смешанной гонке бегунов и оленьих упряжек: «Начались гонки и бега парней, все вместе. Когда многие отъехали и отбежали пешие, Тымэрэч тоже побежал, часто падая, над ним смеялись люди, особенно молодые женщины. Девушка-приз ни на кого не смотрела, молчала, серьезная не по возрасту. Тымэрэч, когда добежал до пригорка, быстро снял старую верхнюю одежду, мягким снегом смыл грязь со своего лица и быстро побежал, прыгая с помощью длинной палки, благо снег был мягким и неглубоким. Быстро догнал участников гонок. Тех, кто смеялся над ним, он обгонял с левой стороны, отчего ездовые олени кружились в правую сторону, а кто скромно вел себя, пробежал с правой стороны и подбадривал: “Догоняй!” ... Самым первым прибежал».⁵

В чукотской сказке «В соломенной одежде» рассказывается: Давным-давно жили муж и жена. У них родился сын. Шкур было мало, и мать сшила сыну одежду из соломы... Жила семья на стойбище в последней яранге. Отец пас оленей, мать работала по дому. Мать относил сына утром к двери, и он там проводил день. Дети бегали снаружи, а он на них смотрел. Дети смеялись над ним. Стал он юношей. Однажды пришло известие, что на дальнем стойбище девушка выбирает себе мужа, и среди быстро бегающих парней будет соревнование. Из последней яранги тоже стали собираться. Отец говорит: “Зачем мы туда собираемся?” Мать настояла и повезла сына на нарте. Приехали на дальнее стойбище, там много народу. Люди готовятся к соревнованию — бегу за девушку. Она увидела парня в соломенной одежде и, рассмеявшись, толкнула его: “Наверное, ты не сможешь”. Все собравшиеся побежали, и девушка побежала. Соломенный па-

рень рассердился и тоже побежал. Он всех обогнал, первым прибежал. Никто не мог его догнать, все отстали, в том числе девушка. Когда она прибежала, села рядом с ним. Оказывается, мать по ночам тренировала его с младенчества... К состязаниям он стал сильным. А когда над ним засмеялись, он стал еще сильнее».⁶

В сказке нет описания и даже упоминания свадьбы — главное в нем не женитьба, а победа бегуна. Отсутствие комментариев убеждает в том, что для чукчей успех в беге означает превосходство (девушка покорно садится рядом с победителем). Подобный «аргумент бега» присутствует и в рассказе об Ахалькуте, который тренировался бегать на лапках-снегоступах, с копьем и привязанными к ногам камнями, а затем одолел силача с севера, бегом угнав его оленей.⁷

Старый оленевод Антылин сетует на нынешнюю молодежь: «Раньше народ не курил, не пил. Бегали так, что догоняли оленей. Без собак, с палками. Когда я маленький был, собак не было. Одна собака была у отца. Вездеходов не было. Каждая бригада круглый год пасла стадо пешком... Сейчас воспитание в школе — сигареты, выпивка. Тут и от двадцати собак толку не будет». И все же, наблюдая за действиями чукотских пастухов, можно с уверенностью сказать, что искусство ходьбы и бега чукчи сберегли. Сын Антылина, молодой бригадир 3-й бригады Чаунской тундры Иван, для поиска и сбора оленей использует квадроцикл, хотя в случае его поломки может легко прошагать 30–40 километров до яранг и вернуться назад в стадо.

⁶ Запись К. У. Геутваль, рукописный фонд музея с. Рыткучи Чукотского АО.

⁷ Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. С. 25–31.

⁵ Бабошина О. Е. Сказки Чукотки. М., 1958. С. 213.

¹ См.: Головнёв А. В. Чукотский дневник. С. 7–9.

² Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. М., 1983. С. 25.

³ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 198.

⁴ Калинин Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. (Прил. к: Зап. гидрографии; вып. 34). СПб., 1912. С. 168.

Лов оленей. Чукотка, 2015. Фото А. Головнёва, Д. Куканова

Искусство быстрого действия и быстрого сна

Среди наших полевых фотографий оказалась целая коллекция спящих пастухов, а в числе ярких впечатлений — способность чукчей мгновенно засыпать, как только представится удобный случай. Это свойство не имеет ничего общего с сонливостью и вялостью. Чукчи так же легко и быстро просыпаются, как и засыпают. Это умение, если не искусство, использовать любой миг для отдыха ради последующей мобилизации. Чукчи умеют «собирать» сон по кусочкам, запасаясь энергией и рационально ее расходую.

По чукотской традиции, мужчина согревается не огнем очага, а собственным движением. Подгоняя оленей, пастухи двигаются быстро, а останавливаясь, умудряются наскоро поспать — сон в стаде короток и чуток. Это в августе, когда ночные заморозки сокращают ночлег, а дневное солнце дает шанс прилечь на теплую кочку. Зимой на морозе ритм учащается: пастух согревается, бегая за оленями, а разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день — то бежит, то спит.

В ходе загона и лова оленей старик Антылин постоянно поторапливает молодежь: «Где ловцы?! Давай, лови, время же идет!». Во время осеннего сбора оленей он не дает толком ни попить чаю, ни поесть, ни отдохнуть, ни замерзнуть: короткие «чаевки» проходят под аккомпанемент его суждений о медлительности молодежи, изменчивом ветре, нахальных «дикарях» (диких оленях) и других угрозах, из которых складывается нечто вроде заклинания «туман придет, олени уйдут».

Поиск и сбор отколовшихся «кусков» стада в конце лета представляет собой сложную композицию действий поисковой команды вездехода и пастухов, из которых одни (пастухи-держатели) окарауливают основное стадо, направляя

его в сторону яранг, а другие (пастухи-искатели) ищут и подгоняют в нужном направлении отколовшиеся «куски» (по несколько десятков или сотен оленей). Задача затрудняется тем, что основное стадо не стоит, а движется и может в любой момент расколоться из-за тумана, нападения волков или медведей, неумелого окарауливания, ухода части оленей за реку, увлечения оленей грибами. Сбор и подгон «кусков» представляет собой многоходовую комбинацию, в которой чередуются быстрые решения и терпеливые ожидания, короткие отрезки напряжения и расслабления.

Антылин на вездеходе очерчивает дугу, охватывающую долину речки с расходящимися от нее горными «карманами» и склонами соседних перевалов. Цель маневра состоит в том, чтобы собрать бродящие по склонам и карманам «куски» в один поток и направить его к основному стаду, пасущемуся у р. Элькаквун. При этом куски нужно подтолкнуть с разных сторон так, чтобы на обратном пути вездеход собрал их одним ходом. Местонахождение некоторых «кусков» уже известно благодаря разведке, проведенной сыном Антылина Иваном и пастухом Витюхой. Иван и Витюха — два персонажа из разных эпох: Иван на квадроцикле обнаружил два куска, Витюха пешком собрал из трех кусков один и держит его. Он уже две недели ходит пешком, как в старину, с посохом и вязанкой хвороста, в сопровождении серого пса. Ночует под открытым небом, заворачиваясь в плащ, спит чуток и коротко, а когда хочет есть, снимает с серого привешенную ему на шею рогатку. Пес немедленно давит оленя, снабжая Витюху и себя пищей. Так они кормятся у «куска» и стерегут его.

Вездеходная команда, включающая пару пастухов с собаками, тоже ищет куски и направляет их в одно «русло». При

лобовом вспугивании олени бегут либо против ветра, либо туда, откуда только что пришли. Подгоняют их свистом и взмахами. Направить их в ином направлении можно обходным маневром вездехода или пуском пастуха с собакой.

В обиходе чукчей недавно появилось выражение «засобачить».¹ Например, при виде «куска» по ходу вездехода звучит команда: «Соскочи и засобачь». Один из пастухов сбрасывает с вездехода собаку, вслед прыгает сам, бежит и командует собаке повернуть оленей в нужном направлении («засобачить» можно слева или справа). Раньше собак-оленегонок у чукчей не было, они появились лишь в советское время, но сейчас собака, умеющая гонять оленей, — непременный персонаж оленеводства.

Наиболее сложны для загона «куски», ведомые дикарями. На них нельзя пускать собак, потому что от испуга дикари уводят кусок далеко. Пешим маневром отделить дикарей от домашних удастся крайне редко. Преследование убегающего «куска» ведется на вездеходе, от вида и рева которого дикари вырываются вперед, а домашние отстают. В этот момент нужно вклиниться между дикими и домашними оленями, разделяя их криками, махами (например, размахиванием одеждой или флагами) и бросанием палок. Однако среди домашнего «куска» часто находятся преданные самки, которые упорно следуют за дикарями и разворачивают стадо. Тогда в ход идет карабин, и дикарь становится жертвой собственной красоты и силы.

Молодые пастухи не решаются принимать самостоятельных решений из-за

¹ В русском языке чукчей немало подобных неологизмов, например: *оводить* — пасти стадо во время овода, *кровачить* — расправлять постели в яранге, *пурговать* — пережидать пургу, *кострить* — поддерживать огонь в очаге.

того, что только Антылин держит в голове всю сеть параллельных и последовательных связей и действий по подгону основного стада к ярангам, соединению «кусков», распределению пастухов на держателей, искателей и загонщиков, траектории движения вездехода, квадроцикла, пешеходов, «дикарей», а также ритма стойбища с его женскими приготовлениями. Только ему ведома комбинация ходов, когда, глядя вслед убегающему за перевал «куску», он произносит: «Пусть бегут, куда бы они ни спрятались, мы их найдем». Все участники гонки почти слепо следуют его указаниям, при этом ворча на его занудство (в ограничении «чаевок»), дотошность (в попутном сборе дров) и жесткость (в бросках пастухов с собаками). Из разных действий по его воле образуется слаженная картина движения.

В вечной тундровой игре людей и оленей есть и риск маневра, и азарт соперничества, и сладость власти, и стратегия победы. В ходе этой гонки обнаруживается удивительная способность пастухов быстро чередовать состояния крайнего напряжения и расслабления. Пастух, только что несшийся с собакой за стадом оленей, забирается в кузов вездехода и миглом засыпает, но при очередном крике Антылина моментально вскакивает и выполняет его команду.

Искусство быстрого сна и быстрого действия в ритмах и аритмии кочевой жизни представляется одной из замечательных технологий арктического номузма.² В какой-то мере это сопоставимо с беспокойным и напряженным ритмом воина, кормящей матери, шофера-дальнобойщика. Однако в чукотской традиции это не считается особым состоянием мобилизации — это обыденный ритм, своего рода пульс кочевника.

² См.: Головнёв А. В. Чукотский дневник. С. 12.

Пастух. Чукотка, 2015. Фото А. Головнёва

Привал пастуха. Чукотка, 2014. Фото А. Головнёва

Сага о бинокле

Когда бинокли были на Чукотке редкостью, их часто делили пополам — получалось два моногля. На стойбище можно было увидеть женщину, которая, взобравшись на верхушку яранги, всматривается через такой моногль в тундровую даль, а там с таким же моноглем (второй половиной бинокля) стережет оленей ее муж. В этом была трогательная символика «половин» — когда муж и жена встречались, их половинки бинокля соединялись вместе. Впрочем, в делении бинокля больше практики, чем лирики.

От силы зрения в тундре зависит слишком многое, и не только от зоркости, но и от искусства видеть. На огромном открытом пространстве кочевник мгновенно улавливает едва заметный движущийся предмет, отличает оленя от куста, дикого оленя от домашнего, человека от кочки, ярангу от сопки. В туман и пургу кочевник останавливается. Решения в тундре часто принимаются (и могут быть противоположными) в зависимости от того, кто кого первым заметил, пастух волка (медведя, оленя) или наоборот. Обводя взглядом горизонт, тундровик замечает изменения погоды, по рельефу местности определяет свое местонахождение и путь. В тундре есть наблюдательные пункты — например, сопка Элькаквун (Гвоздь) в долине одноименной реки, — которые не минуют оленеводы, осматривающие с вершины окрестности. Причем делают это подолгу, даже если сразу заметили пасущееся стадо, будто думают зрением. Для кочевника такой обзор — не просто поиск отдельных предметов, а визуальное мышление, в буквально смысле мировоззрение. Оленеводы хорошо ориентируются, разбираются в географических картах, рисуют планы местности (на снегу, земле, листе бумаги) не потому, что запоминают много деталей, а потому что их сознание

и есть живая насыщенная картина (ментальная карта) окружающего мира. В этом отношении бинокль играет роль инструмента преодоления (подчинения) пространства и расширения мыслительного горизонта кочевника.

Бинокль — не только орудие, но и удовольствие. В бинокль смотрят мужчины, женщины, старики, дети. Иногда случаются своего рода биноклярные сессии, когда стоящие рядом люди смотрят в свои бинокли и одновременно беседуют друг с другом о наблюдениях в разных направлениях, образуя тем самым визуальный диалог. Иногда бинокль позволяет углубиться в собственные думы или скрасить одиночество, заменяя человеку собеседника, иногда снимает неловкость — нежелательный разговор можно прервать погружением в биноклевое созерцание. У знатных оленеводов не один бинокль, а несколько, сменяемых в зависимости от настроения и погоды (один удобнее при ярком солнце, другой на морозе, один рабочий, другой «парадный»).

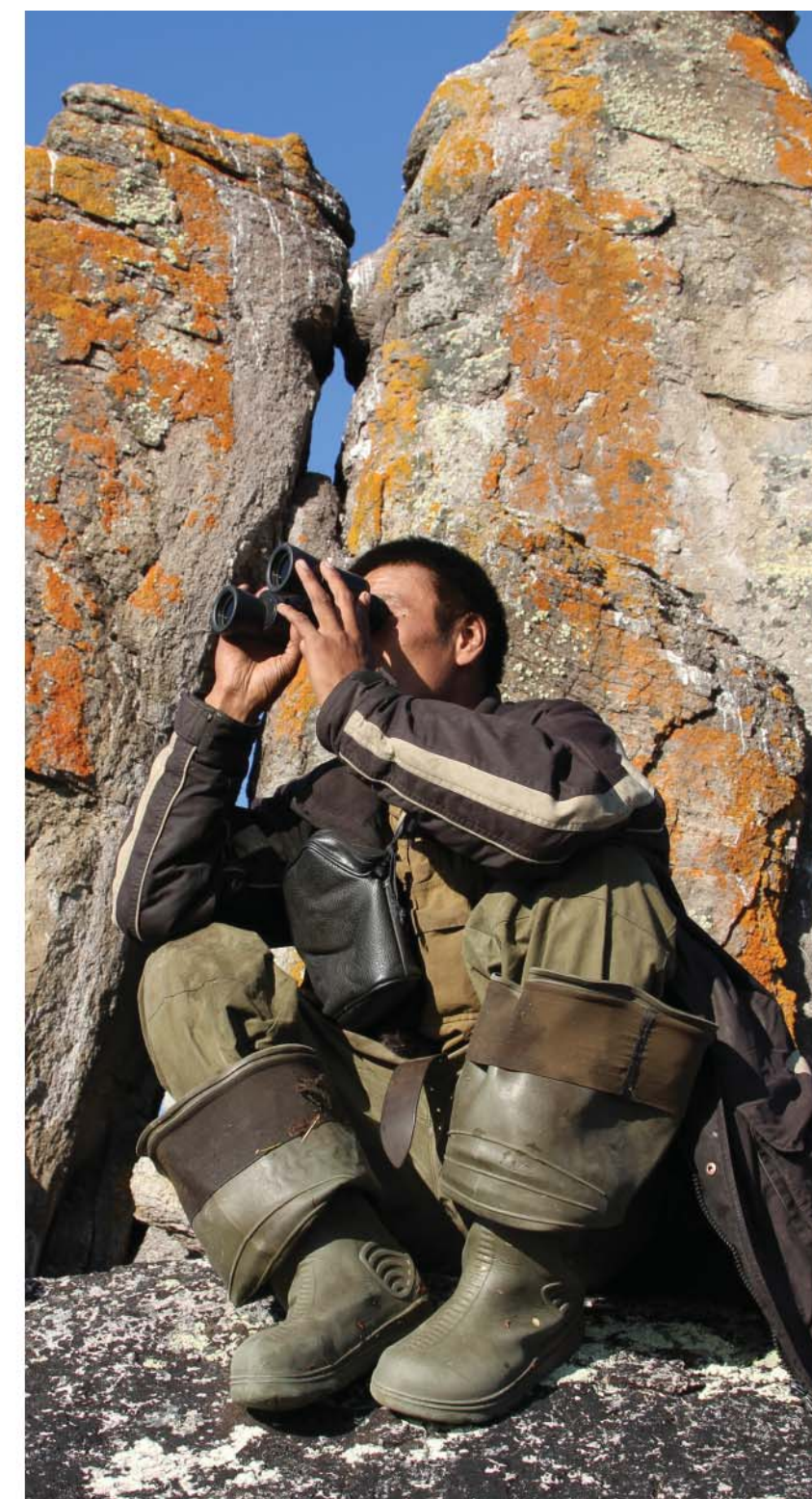
В кочевом веще-обороте северных кочевников появляется немало нового: везде участвует в сборе и выпасе оленей, снегоход тянет нарты на перекочевке, бензогенератор обеспечивает зарядкой быстро растущее число гаджетов. Среди современной техники есть вещи, которые вызывают нарекания из-за своей тяжести, хрупкости, нестойкости к перепадам температуры и влажности, конфликта с ценностями кочевой тундровой жизни. Бинокль отповедей не вызывает. Он органично вписался в реквизит кочевника, стал потребностью и считается лучшим подарком.

Опыт с биноклем. Чукотка, 2014. Фото С. Белоруссовой

Ожидание пастухов. Чукотка, 2014. Фото С. Белоруссовой

Осмотр окрестностей. Чукотка, 2014. Фото А. Головнёва

Эйнеткун

«Праздник молодого оленя» *эйнеткун* проходит на рубеже лета и осени, когда стадо возвращается с летовки к ярангам. К этому времени завершается нагул стада, когда олени по своей воле бродят по тундре, выбирая сочные пастбища, насыщаясь обильным разнотравьем и грибами, выкармливая телят, в жаркие и безветренные дни укрываясь на сопках от комаров и оводов. Летом пастухи не столько пасут стадо, сколько следят за ним, ходят и бегают за оленями в десятках километров от яранг, охраняя их от волков и браконьеров, спят под открытым небом и лишь изредка посменно навещают свои семьи. В это время олени набираются жизненных сил на весь год. Правда, предоставленные своим предпочтениям, они разбредаются по тундре, и стадо рассыпается на «куски» по несколько десятков или сотен голов. Вольный откорм граничит с риском потери оленей, особенно из-за туманов, атак волков и медведей, уводов частей стада «дикарями» (дикими оленями).

В это же время оставшиеся без мужчин стойбища держат своего рода пост, довольствуясь за отсутствием свежей оленины остатками прежних запасов, небольшими уловами рыбы, сборами ягод и трав. Незадолго до праздника яранги «кочуют» — передвигаются на новое место навстречу ожидаемому стаду оленей. Приближение стада сопровождается обсуждениями последних новостей с летовки, погодных примет, опытов прежних лет. Однако пастухи не подходят к стойбищу до тех пор, пока не соберут воедино все «куски», и этот сбор по напряжению напоминает военную мобилизацию. Усилия оленеводов, как правило, завершаются успехом, хотя бывали случаи, когда «дикари» уводили за собой все домашнее стадо. Ритуал долгожданной встречи оленей и яранг лишь условно — календарный, на самом деле он — событийный. *Эйнеткун*

намечается на вторую половину августа, но может состояться и в сентябре, как это случилось, например, в 2014 г. в 3-й бригаде Чаунской тундры, когда уже готовое двинуться к ярангам стадо разбежалось в тумане, и пастухам понадобилось еще две недели для его сбора. В этом смысле *эйнеткун* — день победы оленеводов, собравших оленей и пригнавших их к ярангам, а для обитателей яранг — день вознаграждения за ожидание и терпение. Сетовать на туман, нерасторопность пастухов или бригадира не принято — множество случайностей может препятствовать празднику, и лучше не искушать судьбу болтовней. Когда старший оленевод дает распоряжение о подготовке праздника, известие моментально облетает яранги, обитатели которых дружно отправляются заготавливать зеленый тальник для украшений и жертвоприношений.

Эйнеткун начинается на рассвете, когда пастухи подгоняют стадо к ярангам. Оленеводы надевают праздничные одежды, извлекают из кумирниц изображения духов-хранителей *тайныкут*, трением добывают «живой огонь» из деревянного огнива — «пастуха» духов *милъгэт*. Этим огнем зажигают стрелы, которые, как салют, с дружным криком пускают навстречу приближающемуся стаду. Духи *тайныкут* участвуют в ритуале, поскольку они хранят благополучие людей и оленей; по преданию, с ними связано появление у людей оленей: «Раньше люди сами таскали свои нарты. Однажды они принесли жертву *тайныкут*. Вскоре родились два олененка. Их хозяин кормил ягелем, обмакнутым в нерпичий жир. Возил их на нарте, которую тащил сам. Окрепи телята, стали впереди него бежать. Потом стали олени ездить по земле. Так выросло богатство — потому что люди принесли жертву духам *тайныкут*, которые берегут оленей».

Трехдневный праздник представляет собой цепь обрядов «обновления жизни»: перенесение яранги на новое место, раскраска одежды и полога яранги, добытие живого огня, встреча стада, жертвоприношение оленей, разрисовка оленьей кровью лиц людей и личин духов (а также нарт), изгнание злых духов *келе* («задымление яранги»), «сосание важенок», изготовление духов-хранителей *тайныквыт*, сожжение и захоронение оленьих костей. Закланных оленей тут же «оживляют», обкладывая зелеными ветвями ивы и окропляя водой. Жертвенные олени «приходят» в ярангу, их черепа крепятся к священному шесту у очага, под копыто оленя подкладывается травяная кочка — «чтобы ноге было мягко». В завершение обряда оленей «провожают» на волю, укладывая их черепа в направлении от яранги к тундре. В ответ на хорканье оленей, у которых отняли принесенных в жертву телят, из яранг несутся звуки бубнов, в которые стучат все жители стойбища. Пастухи и их дети сосут молоко важенок, подражая движениям оленей, а женщины строят из травяных кочек, песка и камней маленькие яранги, у которых «остаются жить» принесенные в жертву олени.

Обитатели каждой яранги отлавливают оленей на одежду и пищу; в это время шкуры оленей обладают лучшими свойствами, а мясо оленей особенно насыщено жиром. Символика праздника состоит во встрече-единении людей, зверей и духов, в торжестве их союза над невзгодами. Еще недавно вечерами, по старой традиции, «ясновидящие» принимали мухомор (*вапак*), и их видения-пророчества надолго становились темой обсуждений и переживаний. До сих пор на Чукотке пересказывают изречения стариков, уходивших в мухоморное погружение: «Ой-ёй, учатся чукчи! Доучатся наши чукчи, что будут

одни бумаги, а оленей не будет!». «Ой-ёй, олени! Что-то олени, кажется, пропадают! А где же люди? Вместо оленей продукты, ой, как много продуктов! Это за оленей дали! О-ого, теперь ни продуктов, ни оленей! Совсем оленей мало осталось!». «Ой, на сопках много балков построили! Ой, в них много людей! Ой, они пустеют, люди куда-то подевались! Конец света скоро наступит! Кто успеет, спасется на сопке Тиркиней (Солнечная гора), от них пойдет новая жизнь!»

По старым поверьям, даже на небесах в это время шумело празднество. Истоки обряда, вероятно, уходят в эпоху, когда чукчи были не пастухами, а охотниками. Многие черты праздника, связываемого сегодня почти исключительно с оленеводством, выдают в нем ритуал охотничьего «благодарения». По обилию приносимых в жертву оленей (век назад богатые оленные чукчи убивали на праздник по 100–120 оленей на семью)¹ праздник напоминает массовую «поколюгу» диких оленей на речной переправе, и в далеком прошлом он был посвящен встрече охотников и мигрирующего дикого стада.

Сегодня обряд *эйнеткун* не столь пышен. За зеленым тальником теперь ездят на вездеходе, а на место мухоморных видений пришли спиртоводочные. Многие чукчи забросили или даже сожгли кукол-*тайныкут* под влиянием проповедей просветителей-баптистов. Однако *эйнеткун* по-прежнему воспринимается как праздник пастушеского искусства чукчей-оленеводов.

¹ Богораз В. Г. Чукчи. Т. 2: Религия. Л., 1939. С. 76.

Вуквукай на празднике молодого оленя. Чукотка, 2014. Фото А. Головнёва

Заклание. *Мильгэт* — «пастух духов». Праздничная пища. Чукотка, 2014. Фото А. Головнёва

ЯМАЛ

Аргиш 17-й бригады. Ямал, 2014. Фото А. Роговой

Караван

Оленеводы передвигаются (каслают) по тундре вместе со своими большими стадами оленей круглый год. Постоянное движение людей и оленей обусловлено необходимостью смены пастбищ. Весной они идут на север (лето проводят на берегу Карского моря или на Полярном Урале, где меньше комаров и мошек), осенью — на юг (зимой пасут стада в лесотундровой и северотаежной полосе, где легче укрыться от сильных ветров и морозов).

Перекочевка — обыденное событие в жизни ненцев, и решение о ней часто принимается накануне, когда за вечерним чаем глава стойбища произносит: «Завтра кочуем». Следующим утром стойбище просыпается под скрип оленьих копыт и крики детей: «Ты то — Олени идут!» Разбор чумов и укладка нарт занимает около пары часов. Когда чум сворачивается, последним на нарту *сябу* укладывается железный очажный лист. Пойманных арканами и загнанных в кораль оленей запрягают в нарты. Мужчины на легковых нартах *нгэдалёсь* собирают стадо и гонят его в направлении нового стойбища. Одновременно начинается движение грузовой караван (*мюд*), состоящий из нескольких семейных караванов. Если стойбище многолюдное и включает 7–9 чумов, вереница караванов растягивается от горизонта до горизонта. Первый караван уводит со стойбища глава стойбища или его жена, за ним следуют караваны других семей.

Караван семьи (*мяд-тер*) состоит из мужской и женской частей. В мужском караване за легкой нарткой *нгэдалёсь* следуют *хэхэнган* (священная нарта), *пи'хан* (с дровами), *нгано'хан* (с уложенной поверх лодкой — летом), *понгхан* и *янгухан* (с сетями и капканами), *вандако* (с провизией), *хурумь* (с инструментами и заготовками для нарт). Женская часть состоит из крытой наподобие кибитки *не'хан* (нарты для женщин и детей), *сябу* (для половых досок чума, циновки из прутьев, очажно-

го листа и женской обуви), *ларь'хан* (для продуктов), *юхуна* (для постели, пологов, нюков и домашней одежды), *вандако* (для одежды и шкур), *нгуто* (для шестов от чума, котлов и нижних нюков). Часто общий караван заметно удлиняется за счет того, что вместо одной *нгуто* оказывается две, вместо одной *вандако* — три: *нгарка вандако* (для верхней мужской и женской одежды), *ер вандако* (для выделанных шкур, меховых мешков, заготовок), *нюдя вандако* (для невыделанных шкур). Это зависит от того, какой чум кочует — большой (широкий, богатый) или иглоподобный (узкий, бедный).

Грузовой караван состоит из связанных друг с другом нарт и впряженных в них пар оленей. Расстояние до нового стойбища обычно составляет 10–15 км. Стадо оленей идет параллельно каравану, иногда смешиваясь с ним. Как правило, караван идет по торной дороге кочевий (*недарма*) среди низин и долин, а стадо движется по склонам и возвышенностям. Сложнее всего каравану преодолевать реки, особенно во время весеннего разлива. Однако ни сложные переправы, ни крепкие морозы не останавливают кочевий, и темной полярной ночью караван движется под всполохи северного сияния. Непригодными для перекочевки и в целом для езды по тундре считаются зимой пурга, летом сильный туман.¹

Прокладывающий путь каравану на легкой нарте глава стойбища останавливается, привязывает вожжу к копылу нарты. Все следующие за ним ездоки (обо его пола) дружно соскакивают с нарт и делают то же самое. Так же дружно, почти не отходя от нарт, они устраиваются на снегу или мху, перебрасываясь словами, чаще всего о том, хорошо ли справляются оленей (отдых оленей между пробегами со-

¹ Golovnev A. Naviguer dans la toundra // Nomadismes d'Asie central et septentrionale. Paris, 2013. Pp. 68–71.

стоит именно в этом, а упрямящийся ездовой считается больным или слишком уставшим).

Место нового стойбища глава кочующей общины метит воткнутым в землю хореом (шестом для управления оленями). Выбрав место для нового стойбища, мужчина обращается к ведущей караван женщине со словами: «Заворачивай аргиш». Остановившая нарту, ездок привязывает узду передового оленя к копылу левой стороны нарты, и с этого момента упряжка, даже если олени почему-либо пытаются сорваться с места, может только кружить. Стойбище вырастает на голом месте: в центре чум главы, остальные по обе стороны от него. Первую вещь в основание чума — очажный лист *тюлю* — кладет женщина. С очага начинается сооружение чума, и, возможно, в этом всякий раз повторяется история самого чума, который изначально был «закрытым от ветра костром». Чум — главный признак жизни и знак собственности в тундре. Для заехавших в тундру кочевых мигрантов-чужаков существует правило: «Ходить — ходи, а чум не ставь». Это значит, что чужак может гостить сколь угодно долго, но он лишен права ставить без согласия хозяев свой чум. В равнинной тундре чум служит и главным ориентиром² — треугольники островерхих жилищ видны за много километров, а по струящемуся из верхушки чума дыму видно, что хозяева заметили приближение гостей и кипятят чай к их приходу.

Тундровые ненцы все свое жилище перевозят с собой. Несмотря на простоту своего устройства: конус из жердей, укрытый шитыми из полотен брезента (летом) или оленьих шкур (зимой) нюков, тундровый чум является своего рода достижением кочевой жизни. Речь в данном случае идет

² Адаев В. Н. Формы передачи географической информации в традиции тундровых и лесных ненцев // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 33–38.

не столько о его общеизвестных замечательных свойствах противостоять ветрам, снегам и дождям, хранить тепло (зимой) или прохладу (летом),³ сколько о том, что он «соткан» из всего пространства кочевий. Без него кочевание невозможно, но и он невозможен без кочевания. Его меховое покрытие — два внутренних (*мюй-ко*) и два наружных (*ея*) нюка — шито из 6–7 десятков шкур оленей, выпас которых предполагает ежегодные путешествия от края тайги до края арктических морей. Шесты для его остова (числом до 40–50) и нарты для его перевозки (в количестве 5–10) изготавливаются из стволов деревьев, которые можно отыскать только в полосе лесов. Топливо для очага: бревна из леса, кустарник из южно-тундровых речных долин, черный мох со склонов сопки северной тундры, плавной лес с берегов морей — собирается по всему пути каслания. Кочующий чум «вырастает» в точке соприкосновения трех измерений: пространства земли, стада оленей и сообщества людей. Кочевники не возят с собой ничего лишнего. Поэтому они мало что оставляют после себя на чумовищах. Старое чумовище (и то летнее) можно обнаружить только по поросшему желто-красным мхом костровому пятну. При этом ненцы никогда не ставят чум точно на том же месте, очаговое пятно должно быть всякий раз новым. От отсутствия следов кочевий, как и от подвижности самого образа жизни кочевников, создается впечатление, будто ненецкая культура парит над тундрой, что она связана не столько с землей, сколько с непрерывно движущимся по этой земле стадом оленей.⁴

³ Usenyuk S., Dudeck S., Garin N. The making of a home in a changing northern context: an ethnographic account of contemporary housing practices among Russian reindeer nomads // The Polar Journal. 2015. 5:1, pp. 170–202, doi: 10.1080/2154896X.2015.1038059

⁴ Головнёв А. В. Говорящие культуры. С. 199, 206–209.

Перекочевка 4-й бригады. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

О красоте

Когда ненецкая девочка демонстрирует свои умения, она показывает сшитые ею узоры из бисера. Когда ненецкая девушка пытается понравиться мужчине, она принимается за шитье. Когда старуха слепнет от старости, она все равно продолжает шить — ее руки помнят и любят оленью шкуру, иглу, жильную нить. Женщина шьет всю жизнь, с детства до старости. Все, что связано с шитьем, по-своему красиво: поза и движения швеи, заготовки орнамента, готовая одежда, осанка хорошо одетых людей. Мастерицам свойственна особая эстетика, в которой они различают красивые и некрасивые швы, орнаментальные композиции, качество выделки и сочетания шкур.

Женщина шьет все виды одежды на всю семью. Одежда каждой семьи выделяется своим стилем, потому что она изготовлена одной мастерицей. На ненецких праздниках устраивают смотры одежды, в которых участвуют не отдельные «модели», а целые семьи. И признание за лучшую одежду достается семейной женщине-кутюрье.

В кочевом минимализме ненцев красивое — непременно практично. Традиционная одежда шьется из оленьих шкур, дополняемых кусками меха песца, россомахи, лисицы, соболя, бобра, белки, собаки, а также сукном, бисером, металлическими подвесками. Олений мех обладает замечательной теплозащитой. Он густой и длинный, облегает тело по всем изгибам, защищая кожу от сквозящего морозного воздуха. Олений волос хорошо хранит тепло, потому что он полый, трубчатый в сечении. В прошлом меховую одежду носили на голое тело (сегодня, правда, ненцы используют фабричное нижнее белье и одежду). Кроме того, олений мех обладает гигроскопичностью, при трении очищая кожу от пота и грязи, массируя кожу и улучшая кровообращение.

Малица — верхняя глухая одежда кочевника — изготавливается из оленьих шкур мехом внутрь, с пришитыми рукавицами и капюшоном. Когда оленевод, слегка сгорбившись и расставив ноги, сидит на нарте, он силуэтом напоминает чум. Зимой поверх малицы надевается совик — глухая одежда мехом наружу. Из двух слоев — внутреннего (*либт*, чулки мехом внутрь) и внешнего (*пи́ва*, пимы мехом наружу) — состоит и обувь. Двухслойная одежда из оленьих шкур дает возможность мужчинам не только ездить, но и ночевать зимой в открытой тундре (такой способ ночевки называется по-ненецки *хоркы-мя* — «куропачий чум», подразумевающая умение куропатки нырять на ночлег в снег).

В отличие от глухой мужской малицы, женская меховая ягушка — распашная. Она комфортна в условиях перепада температур при многообразных действиях внутри и вне чума на стойбище. У женщины несколько ягушек — рабочая, спальная, летняя, зимняя, караванная, праздничная. Ягушка легко распаивается для кормления младенца грудью. В ней удобно спать, а ночью заниматься любовью (не случайно женская одежда служит ночным одеялом и для мужчин). Ягушка украшена орнаментом и воплощает в себе образ и характер хозяйки, красота осанки ненецкой женщины выражена в красоте одежды. Эротичным считается не голое тело, а наряд. Сексуальное ухаживание предполагает не прикосновение к телу женщины, а попытку сесть на подол ее ягушки. Ноги женщины красивы, если обуты в красивые меховые кисы. Голые ноги считаются срамным местом — ненки, по обычаю, стыдятся их наготы (в свою очередь мужчине зазорно смотреть на женские ноги). Ноги и обувь женщины окружены особыми запретами: кисы хранятся и перевозятся отдельно от мужской

обуви в специальной нарте *сябу*; считается, что ноги, обувь и нарта *сябу* наделены нижней силой *хэйвы* (*хэбяха*).

Одежда и обувь красивы не только мехом и орнаментом, но и тем, как они надеты и подвязаны. Изящество стана оценивается по манере носить одежду, которая должна лежать на спине и груди не складками и не пузырями, а плавными изгибами, напоминающими извилины на селезенке оленя-самца.

В фольклоре красота женского лица оттеняется сравнениями: «сияет как солнце», «краше солнца», «похоже на идущую по небу луну». Противоположно лицо дурнушки: «будто по снегу глина скользнула», «рябое, как щербатый камень», «как зад собаки». Красивые руки — «полны и жирны как мясо морского зверя», «как искусно выточенный черенок у деревянной ложки»; некрасивые — «как старое суковатое дерево». Красивая осанка — «как оленья селезенка», некрасивая — «похожа на сноп травы». Миг очарования женской красотой передается словами: «я откинул полог, там сидит женщина — красивая, будто в ней солнце отражается»; «она красива, волосы у нее длинные и наполовину золотые».

В фольклоре красавец-мужчина описывается словами сказительницы-женщины: «Лицо у него красивое, глаза узкие, будто острым ножом прорезанные. Я посмотрела на его пояс, он железом отделан, на нем семь ножен. Ножны висят на цепочках, похожих на лучи солнца». Лицо ненца красиво, если у него «глаза узкие, будто спят, а нос маленький, будто его нет». В одном из сказаний фигурирует красавец-ловец: «Младший Ябтонгэ рывком отпахнул входной нюк, зашел в чум. Глаза у него узкие, будто тонким ножом прорезаны, а нос маленький, вздернутый. Действительно, Младший Ябтонгэ красив. Пока я на него смотрела, у меня внизу мокро сделалось».

Младший Ябтонгэ мог бы выбрать другое место, но он сел рядом со мной на край подола моей ягушки». В другом сказании к портрету юного красавца добавляется оленья эстетика: «Младший Мандо совсем молод, усы только пробиваются, глаза — красивые узкие щелочки, он стройный и резвый, как молодой олень».¹

Олени входят в круг основных эстетических ценностей. Подбор красивой одномастной упряжки — дело вкуса и имиджа оленевода. Среди прочих мастей особенно красивыми считаются пестрые (*пад-вы*) и светлые (*сэлха*) олени, но более всех — белые (*сэр*) — символ богатства и высокого статуса. Украшением стада считается олень-менаруй, легко отличимый по самым большим и ветвистым рогам. Популярный ненецкий орнамент — стилизованное изображение оленьих рогов. Любование оленьим стадом — общее увлечение пастухов. Оно выражено в старой байке о том, как русский купец уговаривал ненца продать оленя: «Продай оленя». — «Нет продажных». — «Что не берешь денег? Купишь вина». — «Я вином запасся». — «Купишь чего бабам или песцов на калым». — «У меня песцов две нарты». — «У тебя оленей три тысячи — куда бережешь?» — «Олени ходят, я на них смотрю, а деньги спрячешь — не видно».²

¹ Головнёв А. В. Кочевники тундры. С. 179, 247.

² Житков Б. М. Полуостров Ямал. (Зап. ИРГО; т. 49). СПб., 1913. С. 257.

Юный оленевод. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

Хать Худи. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова

Девочки из рода Белооленных. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

Айбат

День, когда забивается олень на айбат, — всегда праздник. С утра мужчины собирают стадо и гонят его к чумам. Стойбище оглашается собачьим лаем, и начинают брякать котлами старухи, и над макушками чумов поднимаются хвосты дыма. И вот уже олень отловлен и забит, и в ожидании трапезы у разделяваемой оленьей туши собираются все обитатели стойбища. Как только олень освежеван и разделан, присутствующие рассаживаются вокруг, и начинается пиршество. Кусочки парного мяса и жира отрезаются ножом, обмакиваются в теплую кровь, захваченный зубами кусок не откусывается, а отрезается быстрым движением ножа снизу вверх у самых губ, и съедается. Тут же участники трапезы, зачерпывая кружками свежую кровь, с завидным аппетитом поглощают ее. Самыми лакомыми частями в туше оленя считаются печень («ненецкий шоколад»), почки, язык, нижняя губа, мозг. Оставшееся после трапезы мясо разрубается, замораживается или помещается в холодное хранилище, а свежая кровь собирается в олений желудок. Сноха богатого ненецкого оленевода Елена Сэротэтто смеется: «Я без оленьей крови не могу. Если оленя забили, то в день по несколько раз к чашке с кровью подхожу, сделаю несколько глоточков, и как будто силы во мне прибавятся».

По представлениям ненцев, кровь (хэм) является духом, который открывает и завершает жизнь человека, служит силой (пищей) богов. Жертвенной кровью намазывают личины верхних духов, оставляя ее пятна на чумовищах и окропляя ею полозья нартов, откупаются от сил преисподней, выливая ее в воду, умиротворяют разбушевавшуюся стихию. Потому и душат арканом жертвенного оленя, что нельзя наносить ему кровавые раны — только непролитая кровь «жива» и угодна богам. Поэтому и сами люди

должны пить теплую кровь, иначе, по убеждению ненцев, человек обречен замерзнуть в тундре. У тех, кто постоянно пьет свежую кровь, ярко красные щеки (признак здоровья).

Тот, кто не ест сырого мяса и не пьет свежей крови, рискует стать жертвой цинги. По старой традиции, когда на стойбище приходит одна из дочерей Нга болезнь *Си-нга* (цинга), ей в жертву приносят собаку. Согласно преданию, однажды *Си-нга* в образе женщины (сопровождаемой ее мужем) пришла на стойбище и умертвила всех людей. «Осталась одна старуха. Вдруг вечером прилетел бог, остановился у того чума, где лежала больная старуха и кричит: “Возьми, старуха, собаку, нарежь, обмажь кровью вход в чум, а мясо съешь”. Старуха так и сделала, начала поправляться. На другой день по совету бога она удавила вторую собаку, а на третий день выздоровела». По рассказам ненцев, *Си-нга* является во сне, сначала как красивая обнаженная женщина (мужчинам) или мужчина (женщинам), а напоследок — как безобразная старуха, трехпалая, с незакрывающимся ртом. Тот, кому она привидится, должен вскочить и крикнуть: «Цинга, ты меня убиваешь!» — громко, чтобы все проснулись. Тогда болезнь немедленно уйдет. Тут же следует надрезать ухо собаки или оленя и кровью намазать лицо. Иначе *Си-нга* начнет появляться каждую ночь.¹

Кровь и сырое оленьё мясо постоянно употребляют в пищу лишь оленеводы, владеющие значительным поголовьем (на айбат одна семья в год забивает от 30 до 40 оленей). Малооленные семьи при забое домашнего оленя устраивают трапезу с угощением родственников, соседей и духов-покровителей. Теплая кровь,

¹ Бушевич А. Экскурсия в бухту Находку летом 1912 г. // ЕТГМ. 1914. Вып. 22. С. 83.

внутренности (печень, легкие и почки, сердце), костный мозг не только быстро насыщают, но и возвращают к жизни после болезни. Лакомым блюдом считаются молодые, неокостенелые, рога оленей (панты), которые, опалив над костром и соскоблив ножом шерсть, сразу же едят. Хрящевые концы рогов очень вкусны и полезны.

В рацион оленеводов входит и сырая рыба (осетр, нельма, муксун, щокур, сырок). Ее едят, сняв с боков, спинки и брюшка кусочки мякоти и обмакивая в кровь или смесь соли и перца. Жирные брюшки, печень и икра считаются особо лакомыми. Зимой сырое мясо и рыбу дополняют те же продукты в замороженном виде. Со знаменитой строганины в виде тонких ломтиков оленьего мяса или белой рыбы начинается любая трапеза. Жирная пища в сочетании с горячим чаем быстро возвращает силы и позволяет согреться.

В пищу употреблялось не только сырое, но и вареное мясо и рыба. У ненцев различается бульон (*евай*), приготовленный в результате варки нарезанного кусками мяса в подсоленной воде, и суп (*я*) на основе бульона, густо заправленного мукой. Мясо выкладывается из котла на стол, а бульон разливается в чашки. Вареное мясо ненцы едят точно также как и сырое, отрезая кусочки ножом. Набор пищевых продуктов в определенные сезоны был относительно невелик: основу его составляли мясо оленя и рыба, весной и летом он расширялся за счет мяса и яиц водоплавающих птиц; растительные продукты играли и играют весьма незначительную роль в рационе сибирских аборигенов.

В старые времена для сохранения продуктов свежими их на время заворачивали в бересту или крапиву, препятствующие процессу гниения, или

заливали рыбьим жиром. Широко были распространены такие способы preservation продуктов от порчи, как вывешивание на ветру и хранение в холодном месте (зарытыми в мерзлой земле). Для длительного хранения мясо и рыбу замораживали, вялили или коптили. Соль и специи в обиходе северных кочевников появилась только в XVIII–XIX вв. Солить рыбу ненцы научились благодаря развитию рыбной промышленности. В XIX в. засолка была организована непосредственно на рыболовецких станах русскими и зырянскими купцами и промышленниками. Для личного потребления готовили рыбу и мясо без соли. Впрок заготавливали топленый животный жир, составлявший обязательную и лакомую часть питания зимой.

Сыроедение — важнейший элемент адаптации к природно-климатическим условиям Севера. В регионах с холодным климатом потребление большого количества белков и жиров, являющихся своеобразными энергетическими концентратами, крайне необходимо для поддержания жизнедеятельности организма. Свежая оленья кровь повышает гемоглобин; кровь и сырое мясо — важнейшие источники витаминов и микроэлементов, способствующие не только предупреждению заболеваний, но и повышению устойчивости к холоду. Сочетание витамина D и некоторых кислот, содержащихся в рыбьем жире, напрямую влияют на настроение человека, их недостаток ведет к депрессии. Особенности пищевого поведения кочевников проявляются и в количестве потребляемых продуктов. Обильная пища позволяет компенсировать энергозатраты и восстановить силы после тяжелого труда или периода голода.

День айбата. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва, И. Абрамова

Кочевники и недропользователи

У Ямала два мировых бренда — кладовага газа (22% мировых разведанных запасов газа) и очаг оленеводства (9% мирового поголовья оленей). Полуостров стал местом встречи и конкуренции несовместимых, на первый взгляд, технологий оленеводства и газодобычи.¹ Вопрос о возможности оптимального или даже взаимовыгодного сосуществования и сотрудничества в ямальской тундре кочевников и недропользователей переходит в плоскость определения силовых линий двух культур и узлов их пересечения.

В гуманитарном измерении промышленная нефтегазодобыча означает этнокультурную революцию на Ямале со сменой доминирующего населения, образа жизни, ценностных ориентаций, системы коммуникации. Еще несколько десятилетий назад Ямал был преимущественно ненецким с несколькими опорными русскими/советскими базами на юге полуострова (Яр-Сале, Новый Порт и др.). К началу XXI в. многое изменилось: с 2000-х гг. население Ямала постоянно прирастает за счет вахтовиков. Например, вахтовый поселок Бованенково рассчитан на проживание 5–6 тыс. чел., обслуживающих Бованенковское месторождение, газопровод и аэропорт (для легкой и тяжелой авиации). В обозримой перспективе «промышленный контингент» на Ямале может достигнуть 30 тыс. человек. Если учесть, что основную часть ямальской тундры, на которую распространяется промышленная экспансия, осваивают 5,5 тыс. кочевников, то очевидно численное превосходство недропользователей над оленеводами, что преобразует реальную картину народонаселения Ямала.

Главной дорогой ямальских кочевников всегда был Хой — хребет и водораздел полуострова, по которому ненцы со ста-

дами оленей мигрировали от границ леса до морских берегов. Весной и осенью по нему почти сплошным потоком движется стада оленей, расходящиеся затем веером на летние и зимние пастбища. Ныне по хребту прошла и значительная часть железной дороги Обская–Бованенково, что вполне объяснимо удобством прокладки полотна по возвышенности в обход заболоченных речных пойм. Железная дорога обеспечивает круглогодичную и всепогодную доставку грузов и персонала на месторождения Ямала и трансъямальскую коммуникацию, став связующим основанием ямальского промышленного мегапроекта. У оленеводов, как и у недропользователей, эта магистраль — не только транзитный путь, но и разветвленная коммуникативная система. Как железная дорога включает станции и перегоны, так у кочевников на их кочевом пути расставлены сменные нарты с вещами и запасами.

Пространственное пересечение и частичное совпадение двух магистралей показывает, что оленеводческий и промышленный комплексы, при всех их различиях, накладываются друг на друга «хребтами». Это обстоятельство еще более актуализирует вопрос об их конкуренции и сосуществовании. Если бы речь шла о периферийных накладках, можно было бы искать варианты минимального контакта; если дело дошло до совпадения системных оснований, остается дилемма подавления одного комплекса другим или функционального симбиоза. В «диалоге магистралей» по существу решается вопрос о возможности или невозможности их сосуществования.

Сложная обстановка кочевий усугубляется экспансией нефтегазовой индустрии. Маршрут 4-й бригады МОП «Ярсалинское» оказался перекрыт огромной промбазой Бованенково. Несколько

лет назад бригадиру Няме Худи пришлось решать: бросить оленеводство или как-то поладить с «фактором Бованенково», поскольку иного пути к приморским пастбищам нет. Он пошел на рискованный эксперимент прогона оленей по промышленным джунглям: пастухам пришлось в течение трех дней гнать пятитысячное стадо по узкому коридору, обозначенному на бетонных дорогах знаками «олень», столкнуться с немалыми трудностями, включая пересечение дорожного полотна, проходы под трубопроводами, два ночлега (с установкой чумов) среди промышленных сооружений. Сегодня эта вынужденная новация становится традицией: кочевье по Бованенково 4-й и 8-й бригад дважды в течение лета превратилось в шоу, в котором участвуют оленеводы, олени, работники промбазы и гости (в том числе съемочные группы из разных стран). Оленеводы, демонстрируя виртуозное вождение стада, находят в этом «полярном энсьерро» (испанский обычай прогона быков по улицам города) драйв экстремального испытания на глазах у сотен зрителей. Как видно, звание «почетный оленевод Ямала», которого удостоен Няма, предполагает ныне новые компетенции.

Современные ненцы, осознавая угрозы, которые несет ресурсно-промышленное освоение их традиционному укладу жизни, культуре и мировоззрению, видят и открывающиеся во взаимодействии с предприятиями ТЭК новые перспективы. Они удовлетворены активным строительством в поселках, хотя помнят, что истинный дом ненца — кочевой чум в тундре. Основные опасения ненцев связаны с утратой кочевого образа жизни, и представители коренного населения уверены в том, что их культура может сохраняться только за счет ведения оленеводческого хозяйства. Местное население осознает

невозможность препятствовать проведению работ, поскольку нефтегазовые месторождения являются стратегическими ресурсами для развития не только региона, но и всей страны. Кроме того, ненцы отмечают, что льготы, предоставляемые им как коренному малочисленному народу Севера, во многом поступают за счет средств нефтегазового освоения. Особое внимание жители Ямала обращают на экологические проблемы: сокращение рыбодобычи, загрязнение водоемов и тундр, проблемы оленеемкости пастбищ и обостряющийся в связи с промышленным освоением дефицит тундровых пастбищ. В качестве проблем местные жители упоминают трудности трудоустройства коренного населения на предприятиях ТЭК, безработицу в поселках среди квалифицированных работников со средним специальным и высшим образованием. Местное население также видит угрозу в притоке южных мигрантов (прежде всего из стран Средней Азии), вызванном урбанизацией поселков.

Коренные жители Ямала, в том числе кочевники, превосходно осознают, что все эти и другие проблемы им суждено решать в контакте с недропользователями. Они готовы к диалогу, который сулит выгоды не только оленеводству (продукция которого особенно востребована с учетом актуализации импортозамещения и развития аграрного производства в России), но и газодобыче — в минимизации, оптимизации и других адаптациях промышленных и сопутствующих технологий к тундре в кочевом стиле арктических оленеводов.

¹ Этноэкспертиза на Ямале. С. 12, 20–31, 62–97.

Промбаза Бованенково. Ямал, 2013. Фото И. Абрамова
Стойбище 8-й бригады. Ямал, 2013. Фото А. Головнёва

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Летний кораль. Кола, 2015. Фото С. Усенюк

«Моряки» и «огородники»

Цикл кольского оленеводства делится на весенний отел, летний нагул, осенний сбор, декабрьский кораль, зимовку, а также реализацию товарной продукции. Кораль — узел современного оленеводства, место осмотра, сортировки и утилизации стада. К декабрю оленей направляют к коралю на Полмосе, где ведут просчет, распределяют приплод, выделяют «убойный кусок» и гонят к Ловозеру, в забойный цех. Остальное стадо направляют к местам зимовки (декабрь — март), в конце которой его вновь подгоняют к коралю, где производят кастрацию быков и отбор стельных важенок в отдельное стадо (няловка). В июне проводят «легкий кораль» (тандара), где клеймят оленей, после чего отпускают все стадо, за исключением ездовых быков, на выпас в приморские тундры.

В кооперативе «Тундра» сочетают саамский полувольный выпас оленьего поголовья с июня по ноябрь и управляемый коми-ижемский выпас с декабря по март. Ареалы этих практик выпаса обусловлены природной зональностью: полувольный выпас соответствует тундре, управляемый — лесной зоне. Для облегчения сбора оленей,двигающихся от берегов Баренцева моря на юг и обратно, в 1970-х гг. в совхозе «Тундра» на границе природных зон возвели многокилометровые изгороди широтного направления, отделив зимние (тундровые) пастбища от летних (лесотундровых). По маршрутам кочевий построили избы, базы и корали. Сеть опорных изб позволила пастухам перемещаться от одного жилища к другому, не удаляясь от стада более чем на 20–25 км. Собираемое у изгородей к декабрю большое стадо делится между бригадами, которые отправляются на зимовку по индивидуальным маршрутам.

Среди оленеводов наметилось разделение труда, так как изгородь требовала по-

стоянного внимания и «сидячего» образа жизни, в то время как выпас оленей подразумевал кочевание. Появление в хозяйстве снегоходов привело к разделению труда по функционально-транспортному признаку и закреплению в языке определений «моряк» и «огородник».¹ Это противоположные по характеру мобильности временные группы, которые максимально активизируются после ледостава (ноябрь–декабрь): «моряки» собирают стада на приморских пастбищах, «огородники» следят за целостностью изгородей. Первые пользуются исключительно снегоходами, вторые ездят преимущественно на оленьих упряжках. С началом коральных работ все превращаются в оленеводов с комбинированным типом мобильности и мультизадачностью. Сбор стада в этом смысле является исключительным периодом, поскольку максимизирует способности людей, помноженные на возможности техники.

К ноябрю стада оленей могут дойти до лесотундры, а могут остаться у моря на прибрежных пастбищах. Поиск и своевременный отгон приморских «кусков» особенно важен, потому что риск потерять их велик. Береговые скалистые тундры, имеющие полуостровной характер, являются естественными ловушками для оленей. Выход из них возможен только вглубь полуострова, чем пользуются браконьеры.² Эта местность трудна для инспектирования: из-за частых туманов, снежных наддувов и карнизов настоящий рельеф почти не различим, что представляет серьезную угрозу при езде.

¹ Абрамов И. В. Оленеводы кольской тундры: локальные особенности снегоходной революции // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 26–31.

² Кучинский М. Г. Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С. 81.

Группа «моряков» формируется из 4–6 опытных оленеводов трех бригад. Люди подбираются с расчетом психологической совместимости и взаимозаменяемости, чтобы при случае действовать парами. Методично, путем исключения, оленеводы проверяют приморские пастбища. Пара старается не терять визуального контакта по соображениям взаимодействия и безопасности: перевернувшийся трехсоткилограммовый снегоход «Viking» в одиночку крайне сложно поставить на лыжи. Дату возвращения группа не оговаривает, потому что у всех одинаковый запас топлива (250 л) и сопоставимый среднесуточный расход. Отсутствие связи не играет роли, поскольку избы, в которых ночуют оленеводы, во многом определяют географию разъездов. Поиск оленей, как правило, производится не прямым визуальным наблюдением, а подсечкой следов. Выслеженный «кусок» стада сбивают в кучу и гонят к коралю на просчет. За день управляемое стадо проходит 20–30 км. На ночь оленей оставляют на возвышенном ягельном месте, а пастухи уезжают в ближайшую избу или на базу.

Выезд к морю — всегда приключение, так как действует много факторов, способных изменить расстановку и планы. Так, «моряки» могут вернуться, не найдя оленей у моря, если куски стада сами сместились к изгороди или ушли в другое крыло. Рейды к морю помимо прямой (поисковой) функции, нацеленной на минимизацию потери оленей, имеют и другую, не менее важную — демонстрационно-дипломатическую. Своим присутствием оленеводы подтверждают права на приморские угодья. Каждый выезд неизбежно сопровождается встречами на береговых турбазах и показательным заездом в поселок Туманный. Тундра вокруг «Туманки» считается оленеводами опасной, а поселок воспринимается как отправная точка

для браконьерских вылазок. Снегоходные следы на пограничных территориях выступают элементом контроля пространства, притязанием на территорию.

Иную мобильность и мотивацию демонстрируют «огородники». Их передвижения привязаны к изгородям, целостность которых они проверяют с августа по декабрь, проживая в специальных «огородных» избах. Поскольку скорость для них не столь важна, на эти позиции ставят семейные пары и оленеводов постарше, которые работают на упряжках и пешком. Маршруты «огородников» гораздо короче: по 10–20 км в разные стороны от домика до границы соседнего участка. «Это мы, в левом крыле, домиков настроили и людей на полгода посадили, — говорит начальник левого крыла Владимир Филиппов. — В правом крыле на изгородях не сидят. Но с людьми-то изгородь намного лучше работает. Чтобы сам по себе «огород» работал, надо не деревянные, а бетонные столбы ставить, и расстояние между столбами меньше, и проволоку не в четыре-пять, а в шесть-восемь рядов».

Олени для кольского пастуха перестали быть залогом кочевого образа жизни, поскольку снегоходы и изгороди позволили работать полуоседло, практикуя вахтовый метод. Однако кочевые схемы управления стадом сохраняются: контроль обеспечивается регулярными окарауливающими маневрами пастухов на снегоходах или упряжках и умением ориентироваться и использовать преимущества разных технологий выпаса.

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
«Моряки» и «огородники»

Оленья упряжка у избы оленеводов. Кола, 2014. Фото А. Головнёва

Работа у изгороди. Кола, 2014. Фото Д. Куканова
«Огородник» Г. Кириллов и «Моряк» И. Красавин. Кола, 2014. Фото И. Абрамова, А. Головнёва

Снегоходная революция

Обычный зимний день пастуха сельхозкооператива «Тундра» на Кольском полуострове начинается не со сбора оленьей упряжки, а с прогрева мотора снегохода. Вытеснив ижемские упряжки, саамские вьюки и собак-оленегонок, снегоходы стали главным средством окарауливания оленей. Остановки в пути теперь определяются не самочувствием ездовых оленей, а опустошением топливного бака. Новая мобильность изменила ритм и скорость передвижений оленеводов. «Ногами много не находишь, а оленей дольше запрягать, чем ехать», — рассуждают кольские оленеводы.

Снегоходная революция на Кольском полуострове началась гораздо позже, чем в других частях Фенноскандии, но раньше, чем в других северных регионах России.¹ Массовое внедрение снегоходов началось с 2000-х гг. и было связано с возросшей покупательной способностью оленеводов, появлением доступных моделей и сервисных центров. Иномарки оказались надежнее отечественных «Буранов», дешевле и эффективнее гусеничных тягачей, удобнее оленей в повседневном использовании («сел и поехал»).

В сельхозкооперативе «Тундра» зимний выпас оленей ведется почти исключительно с помощью снегоходов (лишь в мае пастухи на месяц пересаживаются на упряжки). Значительная часть парка снегоходов является собственностью кооператива, а не личным транспортом оленеводов. В «левом крыле» кооператива (4, 6, 7-я бригады) в 2014 г. семь снегоходов «Yamaha Viking» приходилось на четырнадцать пастухов. Топливо для рабочих поездок не лимитировано, ремонт производится в кратчайшие сроки, снегоходы при-

нудительно снабжены ГЛОНАСС-маячками для отслеживания движения оленеводов. Каждый кооперативный снегоход закреплен за конкретным оленеводом, обслуживается им и, как правило, приобретает индивидуальные черты (наклейки на стекле, дополнительное оборудование). «У нас теперь новая профессия — буранщики, у кого снегоход, тот и гонит», — отмечает Николай Юрьев из Полмоса.

Следствием внедрения снегоходов стали изменение инфраструктуры и реорганизация оленеводческих хозяйств кольской тундры. Еще в 2006 г. база Полмос превратилась в транспортный хаб и стала общей для трех бригад левого «крыла» кооператива «Тундра» (старые базы используются как промежуточные пункты во время разъездов). Процесс укрупнения сопровождался сокращением людей в бригадах с 10–12 до 4–6 человек. Централизация хозяйства позволили сократить транспортные издержки и усилить контроль за работой бригад. Это отличает кооператив «Тундра» от аналогичных предприятий Ямала и Чукотки, где реальная власть по-прежнему находится в руках бригадиров. Самодостаточность оленеводческого хозяйства заменили рыночная эффективность и бытовой комфорт. Благодаря снегоходам увеличилась интенсивность транспортного сообщения с поселком. Поездка в Ловозеро (70 км) на снегоходе занимает 3–4 часа, на оленей упряжке — 6–7 часов без учета сбора и запряжки оленей. На санях-прицепе можно увезти до 500 кг груза.

Снегоходы позволили сократить рабочий день пастуха в 2–3 раза за счет возросшей мобильности (увеличения скорости передвижения и уменьшения подготовительных операций). В доснегоходный период подъем на базе Полмос был в шесть утра, сейчас — в восемь-девять. «На снегоходе быстрее — его ни запрягать, ни кормить не надо, заправил бензином и

поехал. А на оленях в темноте идти запрягаться, а рассветает — надо ехать уже. Приходится рано ложиться да рано вставать», — рассказывает Андрей Сорванов.

Практика выпаса оленьего поголовья показывает, что большинство тактических задач, которые сегодня решают оленеводы, невозможно выполнить без снегохода. Например, рейд к морю на оленях в ноябре почти немыслим, а на снегоходе это вполне посильная задача. В этот период наиболее полно раскрывается потенциал нового союза: оленеводов (как следопытов, пастухов, переговорщиков) и техники (скоростные качества, грузоподъемность). Раньше оленевод подстраивался под физиологию оленя, теперь границы возможностей определяются ресурсом снегохода.

Снегоход, как и прочая мототехника, формирует зависимость хозяйств от ГСМ, запасных частей и сервиса. При активной эксплуатации он нуждается в техосмотре и мелком ремонте каждый год, а каждые 3–4 года подлежат капремонту или замене. В рыночных хозяйствах возросшие расходы на технику компенсируются за счет увеличения забоя оленей. В кольских многопрофильных хозяйствах такой эффект почти не ощутим, поскольку переход от упряжки к снегоходу сильно растянут во времени, а низкая конкуренция в оленеводческой отрасли не стимулирует техническое переоснащение. Доходы оленеводческого цеха в «Тундре» компенсируют убытки молочной фермы, а не инвестируются в развитие оленеводческого сектора. В сложившихся условиях снегоходы расцениваются не как конкурентное преимущество (как, например, в Финской Лапландии 1960-х гг.), а как удобный девайс, облегчающий рутинную работу.

Пришедшая со снегоходами сверхмобильность в известной степени стала избыточной для кольских оленеводов, так как была вызвана не внутренним разви-

тием оленеводства, а внешними инновациями. Снегоходная революция породила неоднозначный феномен «ложного свободного времени», которое заполняется делами или досугом (телевизор, игры на мобильном телефоне, мелкий ремонт техники, короткий сон). Снегоход прочно обосновался в повседневных бытовых разговорах, историях и даже в местном фольклоре, что говорит о состоявшейся снегоходной революции красноречивее любых количественных показателей. Сюжетами снегоходных историй становятся случаи поломок, ремонтов и апгрейдов, рассказы о реальных происшествиях и возможных опасностях, в том числе алко- и секс-вылазках в поселок и визитах гостей и родственников в тундру, обсуждения технических характеристик и финансовых затрат на их приобретение.

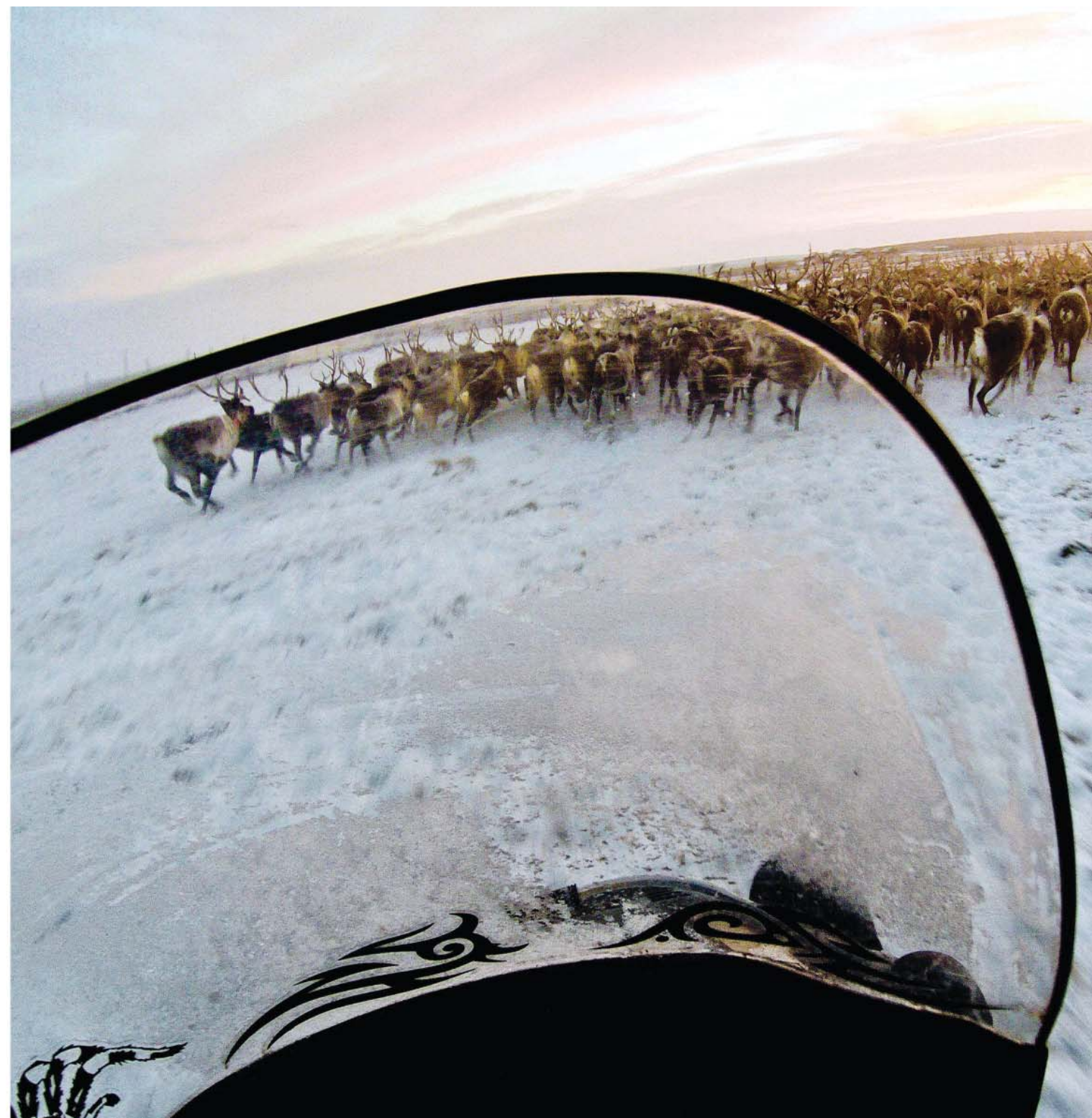
На Коле, как и в других районах ижемского оленеводства, снегоходная революция шла одновременно с рыночной реставрацией, и эти процессы взаимно дополняли друг друга. Формирование нового рыночноориентированного оленеводства повлекло за собой значительные изменения в прежнем образе жизни, в том числе снижение кочевой мобильности вследствие перехода к широкому использованию новых технических средств — снегоходов. Это создает, помимо удобств вахтового выпаса, экологические и производственные риски в регулировании баланса численности стад и оленеемкости пастбищ.² Одной из причин недавней оленеводческой катастрофы на острове Колгуев, где весной 2014 г. произошел массовый падеж оленей (от 6-тысячного стада осталось 150 оленей), стало то, что работники СПК «Колгуев» превратились из оленеводов в водителей снегоходов, ездивших в стадо в основном за мясом.

² Истомин К. В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 24–26.

¹ Pelto Pertti J., Linkola M., Sammallahti P. The Snowmobile Revolution in Lapland // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja 69. Helsinki, 1968. P. 1–42; Абрамов И. В. Оленеводы кольской тундры. С. 26–31.

Пастушеский снегоход. На дороге в Полмос. Кола, 2014. Фото С. Усенюк

Взгляд пастуха. Кола, 2014. Запись камеры GoPro

Тундровый капитализм

Географические особенности Кольского полуострова предопределили характер мобильности в самом западном очаге оленеводства Севера России: тундра здесь вытянута узкой скалистой полосой (около 100 км) вдоль побережья Баренцева моря, с многочисленными наволоками — территориями с труднопроходимыми для оленей естественными рубежами (реки, озера, морские заливы). Это позволяет летом оставлять оленей без присмотра, как говорят оленеводы, «у нас сам Кольский пасет». Помимо содействия в выполнении пастушьих обязанностей, полуостров располагает развитой сетью дорог. Уникальную для северных регионов транспортную ситуацию отмечал еще в начале XX в. В. Лебедев, называя дороги одними из главных хозяев этого края.¹ На сегодняшний день сочетание разветвленной транспортной сети и удобства выпаса обеспечило возрождение товарного крупностадного оленеводства, начало которому два века назад положили коми-ижемцы.

Заимствовав практику разведения и выпаса оленей у ненцев, ижемцы превратили оленеводство в прибыльное товарное производство, включавшее ежегодный массовый осенний забой на продажу, изготовление и торговлю меховыми и кожаными изделиями (в том числе зырянской замшей и меховой обувью), наем работников-пастухов.² Освоив в 1880-е гг. кольские просторы, мигранты коми-ижемцы добились стремительного наращивания размеров стад и наладили широкую торговую сеть сбыта продукции оленеводства. «В начале XX в. оленьё мясо в замороженном виде отправлялось ими в Архангельск,

¹ Лебедев В. В. К северным народам (путешествие к лопарям). М., 1931. С. 17.

² Керцелли С. В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911. С. 109; Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: Автореф. дис. ... канд. ист. н. Сыктывкар, 2004. С. 34.

финский порт Улеборг и даже в Норвегию, а олени шкуры — в Москву и Петербург».³

В настоящее время ижемское в своей основе оленеводство — единственное коммерчески успешное направление сельскохозяйственного кооператива «Тундра». Ловозерский оленевод, заведующий оленеводческим цехом, руководитель левого крыла кооператива «Тундра», В. К. Филиппов, сравнивая условия Колы с Ямалом, уверенно заявляет: «Они там и по 5 тысяч голов могут иметь, но сбыта-то нет, вот в чем проблема. У нас здесь сбыт хороший. Даже 100 голов мне хватает на нормальную жизнь. Зарплата небольшая, и черт с ней! Я за счет оленей вылезу. А они как живут? Им и от оленей-то не оторваться, мы хоть отрываемся. Нет, у нас все по-другому, у нас намного лучше!»

Деловой ижемский подход проявляется во всем: олени не являются партнерами жизненных стратегий и стержнем, как на Ямале или Чукотке, а представляют собой один из ресурсов территории, подлежащей эффективному освоению с минимумом трудозатрат. Так, с переходом на систему изгородей и опорных баз в 1970-х гг. существенно сократилось количество транспортных оленей, с внедрением зимней униформы в 2000-х гг. отпала необходимость в массовом производстве меховой одежды — канул в лету трудоемкий «малышский забой».

Ежемесячная зарплата оленевода не превышает 15–20 тыс. рублей и не является реальным стимулом для работников. Пастуха мотивирует не регулярная зарплата, а доход от забоя личного поголовья. По принятой норме пастух может содержать при общем стаде до сотни частных оленей, от приплода которых ему полагается половина.

³ Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991. С. 66.

Как поясняет Владимир Филиппов, пастухов здесь держат только частные олени, причем для молодых работников условия гораздо тяжелее: «Это ж не так просто — наклеили ему кучу, дали — на вот тебе, парень. Десять лет надо поголовье подымать, чтобы стало примерно 40–50 голов важенок. И в течение этих десяти лет он не имеет никакого дополнительного заработка от оленей». Поэтому профессия пастуха остается наследственной — семейной традицией и привязанностью. Помимо оленей, по словам пастухов, «чтоб нормально жить, приходится всем подряд заниматься — всем, на чем можно заработать». Действительно, в Кольской тундре деньги делаются буквально из всех доступных ресурсов: собирают и сдают панты, сброшенные олени рога, рыбу, грибы, ягоды. Пока олени на морском выгуле, бригадные базы функционируют в режиме заготовительных пунктов, рыбучастков и загородных дач.

Мотором левого крыла и инициатором преобразований последних лет выступает В. К. Филиппов. Вместе с тремя взрослыми сыновьями он контролирует все оленеводство Ловозера, в его действия не вмешивается даже директор СХПК «Тундра». Филиппов смело идет на обновление и централизацию оленеводства. Прежде каждая бригада левого крыла пасла свое стадо, имела свою базу и свой кораль. Филиппов свел три стада в одно, их базы преобразовал в транзитные заезжие избы (точки), а кораль на Полмосе превратил в загонный комплекс большой пропускной мощности. Рядом быстро растет поселок с домами для бригад и гостей, столовыми, баней, туалетами, светодиодным освещением, ветряной электростанцией. В народе поселок называют Филипповкой. Иногда тщательность начальника левого крыла кажется избыточной, например, когда он маниакально следит за чистотой

на Полмосе и собственноручно подбирает мусор у домиков.

Особое беспокойство Филиппова вызывают браконьеры (их называют «брэки»). В разбойные 1990-е гг. обычной была сцена: убитого оленя за один рог тянет пастух, за другой — брэк, споря, чей олень. Отдаленные от Ловозера пастбища между Мурманском и Туманным были потеряны для «Тундры» из-за нашествия брэков. Перелом случился 15 лет назад, когда на помощь оленеводам пришел спецназ «Рысь». В зимней тундре команда спецназовцев и пастухов на шести снегоходах накрыла три банды браконьеров. По словам Филиппова, после рейда «Рыси» еще лет пять «брэки от пастухов шарахались. Оленеводы стали носить черные маски, и брэки думали, что их снова спецназ ловит. Это единственный способ унять брэков, а всякие штрафы — ерунда».

Филиппов всегда в курсе движения и состояния пастухов, стад, техники, топлива, всего комплекса построек и сооружений. Его поездки часты и неожиданны, что создает эффект всевидящего ока. Оленей он не пасет, зато руководит пастухами. Для него олени — капитал, производство и товар. И в этом отношении он идет по стопам своих предков коми-ижемцев, сумевших в XIX в. создать оленеводческий капитализм с наемными тундровыми пролетариями, циклом переработки и широкой реализации продукции. Экспансия этого «тундрового экономического чуда» в 1880-е гг. довела предков Филиппова до Кольского полуострова. Свидетель и участник возрождения в 1980–1990-е гг. тундрового капитализма и попутной снегоходной революции (чему способствовала близость к индустриальной зоне), в современном менеджменте Владимир Филиппов играет роль капитана оленбизнеса.

Заготовка оленьих шкур. Кола, 2014. Фото А. Головнёва

Начальник оленцега Владимир Филиппов. Кола, 2014. Фото А. Головнёва

Морошка

Сбор морошки на Кольском полуострове — ежегодное событие, по накалу страстей сравнимое с легендарными золотыми лихорадками Запада времен Джека Лондона. Каждое лето в конце июля — начале августа тундра на пару недель наполняется скрежетом гусениц, чавканьем резиновых сапог, детским смехом, крепким матом, женским шепотком и специфическим пощелкиванием, с которым оранжевые ягоды высвобождают из чашелистиков. Морошку здесь зовут «марихуаной» — из-за непреодолимой тяги, азарта, зависимости, которыми одержимы сборщики.

Северные ягоды, и особенно морошка, благодаря полярному солнцу, отличаются высокими антиоксидантными свойствами, столь ценными косметической и фармацевтической промышленностью. Круглосуточное воздействие солнечного света в период созревания способствует синтезу и накоплению веществ, образование которых невозможно в иных условиях, в частности в ягодах, растущих южнее. Помимо ценности и востребованности товара, секрет успеха «ягодного бизнеса» на Кольском полуострове заключается, как и в случае с оленным, в удачной логистике — налаженном транспортном сообщении с региональным центром, Мурманском, и близости к границам стран Евросоюза, где находятся основные потребители кольских дикоросов. «Вся морошка из Мурманской области идет в Финляндию, там цены на нее высокие», — говорит Владимир Филиппов.

При таких возможностях для массового экспорта физическая сущность самой морошки — ее вкус, цвет, упругость и польза — уже утратила свое значение: из десерта, северного деликатеса эта ягода превратилась в настоящую валюту — со своим обменным курсом, ликвидностью, спекуляциями и даже мафией. «Я и забыл,

когда последний раз морошку летом ел... Все, что собираю, сдаю. Во время сбора никогда не ем. А раньше, помню, только морошка пойдет, мать кисель из нее сварит — вкусно!» — рассказывает Николай Селиванов из Полмоса.

Конкуренция и борьба за рынки сбыта в ягодном бизнесе нешуточные. И тут рассказов не счесть: «В Мурманске такие войны идут! У каждого точки свои, все поделено, никуда не сунешься. Попробуй ларек свой поставь — сразу же сожгут! Такие бабки крутятся на этой ягоде!». Кто кого проведет, тот и прав: «Ягоду только на сахар проверяют; стеклышко мажут, на свет смотрят, есть ли кристаллики (некоторые раньше добавляли сахар, чтоб не бродило). А у нас приемщики как делали — денег надо, так они в бочки литр-два воды хлоп! Кто заметит, бочки-то большие!»

Монетизация привела к гендерному сдвигу в традиционных занятиях: сбор ягод, изначально женское дело, в случае с морошкой превратился в прибыльное мероприятие, а добыча средств к существованию — дело уже мужское. Под морошку берут кредиты и влезают в долги, в счет возможной (но не всегда случаемой) прибыли с урожая приобретают новую технику — от снегоходов до лодочных моторов. Помимо этого, далеко идущие инвестиционные планы есть и у других членов семьи: женщины мечтают о ремонте или покупке новой мебели в дом; для детей оленеводов морошка — способ заработать первый капитал на покупку скутера, квадроцикла, нового гаджета. Будущее морошкового бизнеса, судя по словам одиннадцатилетнего Андрюши Селиванова, в надежных руках: «Я морошку собираю, чтобы на скутер накопить. Ягодка к ягодке, копеечка к копеечке... Без морошки нет тундры, я так считаю...».

Юный ягодник Андрей Селиванов. Кола, 2014. Фото С. Усенюк

P. S.

Северные кочевники высоко адаптивны и демонстрируют динамизм в восприятии и освоении культурных и технических новинок — от снегоходов и мотолодок до мобильных телефонов и GPS-навигаторов. Сохраняется ли при этом стержень кочевой культуры, и какие свойства (механизмы, алгоритмы) его составляют — ритм миграций, «оленье мышление», стиль лидерства, жизнь в ярангах (чумах), традиционные языки и религии? Что неизменно и что заменяемо? Где мера допустимых изменений, кто эту меру знает и контролирует? Если недавно кочевников всеми силами переводили на оседлость, то сегодня обсуждается, возможен ли обратный перевод от оседлости к кочевью. Более того, механизм движения, заложенный в системах миграций северных кочевников, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой — многообразно применим в новейших стратегиях мобильности и освоения Арктики. В тот самый момент, когда кочевники, наконец, заслужили признание как носители высокой мобильности и «классики движения», они сами оказались на грани утраты или неадекватной подмены своей самобытной культуры. Вряд ли наука даст единственно верный ответ на все эти вопросы, но мобилизация знаний о мобильных технологиях и культурном наследии северян актуальна в перспективных стратегиях освоения Арктики.

***

Наставник 3-й бригады оленеводов северной Чукотки Андрей Антылин, размышляя о сокращении домашних оленей и размножении диких, говорит: «Хозяева вымерли, расплодился дикари». Он верит, что «все наладится», если среди тундровых людей будет поменьше «грибоедов» и «мочеедов», если чукчам не будут мешать люди, которые «не разбираются в деле, хотят заработать, развалить и уехать», если оленеводы станут хозяевами своих стад.

Андрей Антылин. Чукотка, 2015. Фото Д. Куканова

Литература

- Абрамов И. В. Оленеводы кольской тундры: локальные особенности снегоходной революции // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 26–31.
- Адаев В. Н. Формы передачи географической информации в традиции тундровых и лесных ненцев // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 33–38
- Бушевич А. Экскурсия в бухту Находку летом 1912 г. // ЕТГМ. 1914. Вып. 22. С. 1–86.
- Бабошина О. Е. Сказки Чукотки. М.: Гослитиздат, 1958. 263 с.
- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 224 с.
- Богораз В. Г. Чукчи. Т. 2: Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 208 с.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
- Головнёв А. В. Арктическая мобильность: технология и методология // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН; ИИиА УрО РАН, 2015. С. 30–34.
- Головнёв А. В. Чукотский дневник: размышления о движении // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 6–16.
- Житков Б. М. Полуостров Ямал. (Зап. ИРГО; т. 49). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 404 с.
- Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Сыктывкар, 2004. С. 34.
- Истомин К. В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 17–25.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 284 с.
- Каллиников Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб.: Тип. Морск. Мин-ва, 1912. 246 с. (Прил. к: Записки гидрографии; вып. 34).
- Керцелли С. В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Губ. тип., 1911. 116 с.
- Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 228 с.
- Кучинский М. Г. Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы. М., 2007. Вып. 33. С. 58–89.
- Лебедев В. В. К северным народам (путешествие к лопарям). М.: Изд-во «ОГИЗ – Молодая Гвардия», 1931. 158 с.
- Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. М.: Мысль, 1983. 143 с.
- Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX–XX вв. М.: Наука, 1971. 167 с.
- Мифологическое время: Альбом-каталог Государственного музея Природы и Человека (Ханты-Мансийск). М.: Эпифания, 2003. 216 с.
- Первалова Е. В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // УИВ. 2015. №2 (47). С. 39–49.
- Хомич Л. В. Саамы. СПб.: Просвещение, 1999. 92 с.
- Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / А. В. Головнёв, С. В. Лёзова, И. В. Абрамов, С. Ю. Белоруссова, Н. А. Бабенкова. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 232 с.
- Golovnev A. Naviguer dans la toundra // Nomadismes d'Asie central et septentrionale. Paris: Armand Colin, 2013. P. 68–71.
- Pelto Pertti J. The snowmobile revolution: technology and social change in the Arctic. Illinois: Waveland Press, 1987. 234 p.
- Pelto Pertti J., Linkola M., Sammallahhti P. The Snowmobile Revolution in Lapland // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 69. Helsinki, 1968. P. 1–42.
- Usenyuk S., Dudeck S., Garin N. The making of a home in a changing northern context: an ethnographic account of contemporary housing practices among Russian reindeer nomads // The Polar Journal. 2015, 5:1, pp. 170–202, doi: 10.1080/2154896X.2015.1038059

Источники

Рукописный фонд музея с. Рыткучи Чукотского АО. Запись К. У. Геутваль.

Сокращения

ЕТГМ — Ежегодник тобольского губернского музея
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
МОП — Муниципальное оленеводческое предприятие
СХПК — Сельскохозяйственный производственный кооператив
УИВ — Уральский исторический вестник

Научно-художественное издание

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

*Андрей Владимирович Головнёв
Елена Валерьевна Первалова
Илья Викторович Абрамов
Денис Алексеевич Куканов
Александра Сергеевна Рогова
Светлана Геннадьевна Усенюк*

КОЧЕВНИКИ АРКТИКИ:
ТЕКСТОВО-ВИЗУАЛЬНЫЕ МИНИАТЮРЫ

Публикация подготовлена за счет гранта Российского научного фонда
«Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации»
(№ 14-18-01882)

Художественное оформление: Д. А. Куканов,
Подготовка к печати, верстка: А. С. Рогова
Корректор: Т. А. Арсёнова

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 60х90/8. Печать офсетная.
Бумага мелованная, матовая 130 гр./м. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ePrint
614000, г. Пермь, ул. Куйбышева, 2, оф. 6,
тел. +7 (342) 207-61-24, 277-13-63